

**Общероссийский союз писателей
«Воинское содружество»**

Виктор Королёв

**Я люблю
этот радужный мир**

Стихи и проза

г. Лебедянь

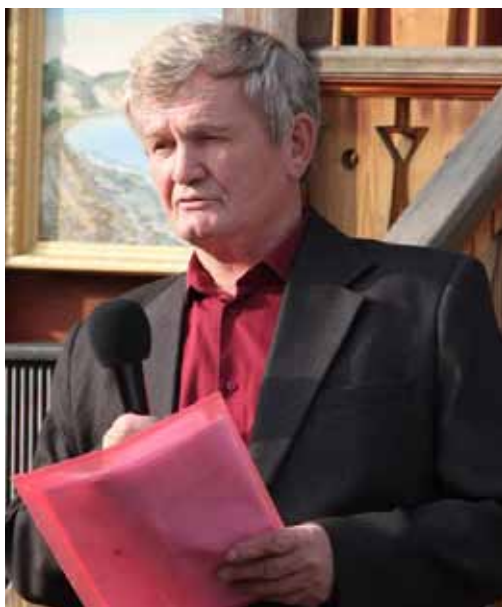
ББК 84(2Рос)
К 68

Виктор Петрович
КОРОЛЕВ

**Я люблю
этот радужный мир**

Королев В. П. Я люблю этот радужный мир: стихи и проза /
В. П. Королев. Липецк: Издательство «Гравис», 2013. – 124 с.

© В. П. Королев, 2013
© ООО «Гравис», 2012

Виктор Петрович Королёв. Родился 19 мая 1945 года в Максатихинском районе Тверской области. Детство прошло на берегах Рыбинского водохранилища, в небольшой деревне поблизости от города Весьегонск. Подполковник в отставке. Службу проходил на космодроме «БАЙКОНУР». С 1990 года проживает в городе Лебедянь.

Лауреат первого Всесоюзного смотра народного творчества. Печатался в периодической прессе, выступал на местном телевидении. Участвовал в издании литературно-художественных альманахов «ЗВЕЗДОГРАД» г. Байконур и «ЯМБЪ» г. Лебедянь. Автор ряда исторических очерков и цикла рассказов «Невыдуманные истории». Печатался в коллективных сборниках: «ВЕТКА ПОЛЫНИ», «ЗА ОТЧИЗНУ В ОТВЕТЕ», В 2011 году издал сборник стихов «ВРЕМЯ». В 2012 стал победителем конкурса «ЗА РУСЬ СВЯТУЮ» в Тверской области. Руководитель литературно-художественного клуба «Лебедянь». Член Общероссийского союза писателей «Воинское содружество».

Он дарит сердце нам своё

Уважаемый читатель! В Ваших руках очередная книга произведений Виктора Петровича Королёва, подарившего нам радость общения с прекрасным. Лебедянская земля стала для него родной. Благодатная среда мощно подпитывала его, здесь в полную силу раскрылись способности члена Общероссийского Союза писателей «Воинское содружество».

Служение великому, могучему, выразительному русскому языку – дело архиважное и очень трудное. Стоять на защите его чистоты и интересов столь же почётно, как и воину наших Вооружённых Сил защищать Отечество. Так уж случилось, что эти две ипостаси воплотил в себе мужественный воин, гражданин и поэт Виктор Петрович Королёв.

С детства привыкший делать всё основательно, он, поистине, приравнял штык и перо, добротню исполнял воинский долг и сейчас пишет замечательные стихи. Тогда стоял на защите государства – великого Советского Союза, теперь – на страже его национальных устоев, на острие борьбы за будущее России – молодёжь. И в меру; сил и способностей следует золотой дорогой русской поэтической традиции.

Сегодня он поражает читателя глубиной своих философских суждений, лиризмом, любовью к родной стороне, Руси-России, к каждому дню, дарованному человеку. Он, как и миллионы сограждан, не может смириться с тем, что разграбленную, униженную Родину продолжают терзать упыри. Его до глубины души возмущает, как без «голодомора» умирает деревня.

Его слово – деятельное, будоражащее душу и чувства. Он не стоит в стороне от общественных процессов, а смело обнажает проблемы современного бытия, где только «новым русским», прикарманившим народное достояние, финансовым воротилам да вороватым чинушам жить хорошо. Нам никогда не смириться с тем, что страна то умывается кровью в «горячих точках», то опускается ниже плинтуса в хорошо отрежиссированных кризисах и дефолтах, то деградирует в пьяном угаре, то мается от наркодури и безработицы.

*Разруха бродит по России,
Глядит в глаза, стучит в окно,
Деревни те, что нас растили,
Тихонько умерли давно.*

Он пишет о деревне, «кособокой и обветшалой», как и Русь. Видя такое состояние, он хочет кричать «и, может, даже выть», молится от души за неё, хотя и больно «подчас, и сердце жжёт». Ему не дает покоя вопрос «как потомки наши будут жить, что скажет мне обманутый народ?», если стали героев хоронить как безродных бомжей: «дядя Вася» выжег номер на кресте, вот и все «почести».

Страшно и другое – забывают героев и послевоенных. В стихотворении о людях, создавших ракетно-ядерный щит страны, а к этому исторически-важному делу был причастен и автор, он пишет:

*Сегодня Русь, забыв героев,
Ещё несёт тот прочный щит,
Что нами был в степи построен
И до сих пор страну хранит.*

С душевным трепетом говорит автор о наших истоках, о начале исторического пути племени нашего. Виктор Петрович признаётся: «Во мне таится предков зов, влечёт бунтарская порода». И далее рисует картины о прошлом времени, о берегах Дона, когда «кипчак и даже печенег здесь лошадей поил когда-то», а «князь Донской, стирая кровь с лица, молился Богу в испупленье». За этим – другая картина о битвах на Калке и на Воже, где наши родичи уже тогда дрались «за нас с тобой».

Он с восхищением пишет о мужестве воинов из далёкого прошлого, подпитывавших героизмом и до сих пор сильно влияющих своим примером на защитников Отечества, подчёркивает неразрывную связь поколений, нашу крепкую память о них. И, как вывод, звучит утверждение, что именно поэтому «Русь стоит, и стоять ей во все века!».

Как истинный патриот, он не может не восхищаться Лебедяню – городом-песней. Он ничего не приукрашивает, а только констатирует: здесь купола церквей горят как звёзды в поднебесье, а стены дышат стариной. «Здесь не раз платили кровью / За надежду

на покой./ Здесь не раз врага встречали,/ Поднимали на копьё». А дальше – другая Лебедянь, по которой колесом идёт песенно-весёлая ярмарка, где «девочки как яблоки, мальчики – огонь».

Нельзя не обратить внимание на святость его поэтического слова. Она просматривается там, где он воспевает родной край, восхищается своим народом, которому не дают покоя соседи-враги. И, конечно же, при описании борьбы с врагами, которые бились «за нашу веру, за Русь святую и за крест».

Несомненно, В. П. Королёва, сына солдата-Победителя, не могла не волновать тема Великой Отечественной войны. Он не видел боя, не был на передовой линии огня, но впитал рассказы тех, кто прошёл все ужасы хотя бы одного из тех страшных 1418 дней и ночей.

Поэтому столь колоритны, выверены картины того времени: «От мины осколки рассыпав вокруг,/ Война рассчиталась по счёту». Или о фашисте: «Вон пулемётчик снова, сволочь, строчит,/ По снегу пули сыплет как горох». А вот слова о спасении раненого: «Друзья меня не бросили на поле,/ Всю ночь тащили, не жалея сил».

Его мать, как и миллионы женщин военной и послевоенной поры, испытала все трудности того времени. Очевидно, это стало причиной более пристального внимания поэта к роли их в нашей истории. Гордостью наполнены слова, что женщины «Россию руками подняли» из руин, вложили в неё свои души, поэтому надо им воздвигнуть памятник, до небес.

Глубокая убеждённость, высокая гражданственность слышится в его произведениях. Как бы ни была красива жизнь за кордоном, его она не манит «калачами» и «манной небесной» в блестящей упаковке.

*В чужих краях я не ищу приют,
Крещён я здесь и всё вокруг моё.
Живу я здесь, и дети здесь живут,
Леса мои и реки, и жнивья.*

Лиризм, тонкое понимание души своей и читателя передаётся в простых и ёмких фразах: «легла дождинка на плечо», «колючий скатился снежный водопад», «упала звезда как фонарик с небес», «качает ветер шапки фонарей», «рябины куст алеет под окном», «а

рядом ты, и я в тебя влюблён». А вот влюблённый идёт к зазнобе через сад по горе серебра, а в сердце слышится «веточек хрустальных нежный перезвон». Он не идёт, а, пожалуй, летит, чтобы задохнуться ночью от любви.

В. П. Королёв – прекрасный пейзажист. Он воспекает все времена года, любую погоду. И снег, и туман, выплывший клоками на луга, и мороз такой, что «дымы печные выпрут свечкой в небо», и головы рябин, одетые в багрянец, и грозу, которая «писала огненный сонет».

*Люблю я ранние рассветы
На тихих заводах встречать.
Люблю весну, но больше лето,
Тепло его и благодать.*

От отцов и дедов нам прививается народная мудрость. Она проста и поучительна, важна и должна стать тем золотым правилом, чтобы не прерывалась со своими истоками, чтобы Отчина процветала, а народ с уверенностью смотрел в будущее. Этот постулат очень рельефно сформулирован автором:

*Трудом крепить державы силу,
Себя блюсти и честь свою,
Растить детей и чтить могилы
Всех тех, кто жил в твоём краю!*

Эта же мысль проводится им и в других произведениях. Для него важно, чтобы в жизни «совесть нам была порукой...», чтоб не бездельем и скукой мы наполняли отчий дом». Ну, а уж если выпадет на долю лихая година и нападёт на родную землю лютый враг, то должны стоять крепко, «наши спины не должен видеть враг живой».

Хочется обратить внимание на крылатость фраз Виктора Петровича, близких к «Горю от ума»: «Но часто чары обольщенья/ бывают истины сильней!», «Не могут ангелы и черти / Испить воды одной реки!», «Мы так малы, а мир велик,/ Что жизнь познать едва ли хватит века», «И принимает часто лесть/ За знак любви и общепризнанья».

Издавна совершенно справедливо считается, что в России «поэт больше, чем поэт». О роли мастера слова в современном больном обществе Виктор Петрович рассуждает вместе с читателем. Отвергая «стихи пустые», стихи бессердечные, бездушные, он пишет:

*Поэт, как лекарь, лечит душу,
Счищает ржавчину с неё,
Спасая падших и заблудших,
Он дарит сердце им своё.*

Действительно, если поэт не сродни Данко, если не освещает путь окружающим, не зовёт их вперёд, то он может претендовать лишь на роль никому не нужного мастера по рифмованию, может и красивых, но пустых слов. Нельзя не согласиться с автором, что особая ценность слова для тех, кто споткнулся, кому необходимо помочь подняться. Слово, направленное к сердцу читателя, это – «молитва и спасенье, оно – надежда на успех». Он не только провозглашает эту истину, но и сам ей следует. Видимо, этим объясняется филигранность, отточенность, законченность его произведений.

Такая широкая поэтическая палитра может быть присуща только человеку одарённому, смелому, честному перед собой и своим читателем. В. П. Королёв – самобытный поэт, отмеченный Божьим даром и талантом. Он — верный служитель возвышенного русского слова.

**Председатель Липецкого областного отделения
Общероссийского Союза писателей «Воинское содружество»
академик А.Т. Березнев.**

* * *

Я люблю этот радужный мир,
Наше чистое русское небо,
Лебедянских садов эликсир
И горбушку куйманского хлеба.

Семибрата люблю голоса,
Соловьиные песни и трели,
Я люблю и луга, и леса,
И ручьи по оврагам в апреле.

Колокольный люблю перезвон,
Наших праздников душу лихую,
Я люблю тебя, батюшка Дон,
Но без Волги я всё же тоскую!

Так уж вышло, судьбу не коря,
Человек – перелётная птица,
Здесь, у Дона, бросать якоря
Жребий мне указала десница.

Я не плачу, с судьбой не борюсь,
Благодарно её принимаю:
Пил из Волги, из Дона напьюсь –
Вся вода по России святая!

2012 год.

* * *

Легла дождинка на плечо,
Потом легла вторая,
И вдруг прорвало, и ещё,
Без счёта и без края!

Воды глухая пелена
Вбивает в землю струи,
И люди, глядя на меня,
Смеются и ликуют.

Они шалеют от дождя,
Они б хотели тоже
Брести по городу, как я,
И удивлять прохожих.

Брести, как дети, напрямик,
Штаны задрав покруче,
Но мне кричат: «Чудишь, старик!
Сидел бы дома лучше!».

Ну что с того, что я седой,
Покой – больному нужен,
А я живу, я не больной,
И я пойду по лужам!

2012 год.

* * *

Гроза бросает в речку стрелы,
В смятенье прячусь под дубы,
Душа моя и даже тело
Сейчас зависят от судьбы.

Как на весах, как чёт и нечет,
Стою на кромке бытия,
А небо стрелы в землю мечет,
И где-то там летит моя!

Гремят раскаты слева, справа,
Полнеба выжжено огнём,
Но вот стихает, Богу слава!
Ещё немного поживём.

2012 год.

* * *

Туман съедает снега клочья,
В овраге вновь журчит ручей,
Мне грязь весенняя не очень...
Но всё же стало веселей.

Надежда есть на обновленье-
Вот-вот и солнышко блеснёт
И вдруг, душе на удивленье,
Немного счастья принесёт.

Уже шевелится, я слышу,
Росток весёлый под листвой,
И дождь, что брякает по крыше,
Уже не мёртвый, он живой,

Ещё чуть-чуть – и солнца сила,
Согреет нас и всё вокруг,
Уйдёт тоска, и будет милым
Ещё вчера порочный круг...

Лукавый глаз потянет влево
И в каждой женщине найдёт
Все то, что даже королева
Весной под платьем не блюдет.

Весна не может быть унылой,
Любви начало и надежд,
Она, как женщина, на диво
Меняет тысячи одежд .

2012 год.

* * *

Есть у весны особые приметы –
Длинней сосульки, солнышко добрей,
Собака чаще жмурится от света,
И бойко пляшет в луже воробей.

Жена себя уже готовит к лету:
Пальто и платья вынесла во двор,
А две соседки, с самого рассвета,
О чём-то тихий вяжут разговор.

Журчит ручей, как речка, вдоль дороги
И сносит грязь земного бытия,
Всё чаще ноги тянет от порога,
Куда-нибудь подальше от жилья!

2011 год.

* * *

Вчера ручьи текли напропалую-
Сегодня снег лавиной рухнул вниз,
Люблю весну, но только не такую,
Когда сугроб над окнами навис.

Весна моя, как чувство избавленья
От старых дум и множества забот,
Я жду её, как чудо обновленья,
Как ждут любовь, что долго не идет.

Я пью весну, как пьяница, запоем
И слышу, как играет ночью сок
У вербы той, что завтра, под горою,
Раскроет тихо бархатный цветок.

2012 год.

* * *

Весна wpłyвает тихо в лето,
И, несмотря на календарь,
Жара над городом с рассвета
Свою развесила вуаль.

В садах и рощах без разбора
Цветёт сирень и разноцвет,
И даже липа, видно, скоро
Покажет миру свой букет.

Забудь про дедовы приметы,
В природе всё идёт не так:
Цветёт всё разом, этим летом
Творит природа кавардак.

Чубушник, розы и ромашки,
Пионы, маки и ирис –
Как будто все в одной рубашке
Весною этой родились.

2012 год.

* * *

Люблю я ранние рассветы
На тихих заводях встречать,
Люблю весну, но больше лето,
Тепло его и благодать.

Люблю, когда благоухают
И медом пахнут берега,
Люблю, когда восход играет
И чистит душу от греха.

Люблю природы обновленье,
Её великий беспредел,
И замираю в удивленье,
Увидев день, каким хотел.

И задыхаясь от величья
Природой сотканных холстов,
Готов и я, до неприличья,
Себя избавить от оков!

С природой слиться и, растаяв,
Оставить всё на берегу.
Но мир не может жить без правил,
А я без мира не могу!

2012 год.

* * *

Гроза, как фронт, охватывая фланги,
Из всех калибров била по земле,
То затихала вдруг, то бумерангом,
Топила мир в безудержном огне!

Пылало небо, прожигая темень
Калёной нитью миллионов ватт,
Качался мир, и, как казалось, время
Несло меня по памяти назад!

И жизнь моя, завязанная туго,
Как тот разряд, рванувший из-за туч,
Несла меня по замкнутому кругу,
Тащила вверх и опускала с круч!

Душа страдала и просила мира,
Как мотылёк, тарасилась на свет,
А гром ревел, и, набирая силу,
Гроза писала огненный сонет!

2011 год.

* * *

Проходит лето, дни короче,
Умыт туманами рассвет,
И как-то тихо, между прочим,
Лёг на леса осенний свет.

Укрылись в золото берёзы,
В багрянец головы рябин,
И на кустах, почти как слёзы,
Висят обрывки паутин.

Закат бледнеет, ночь длиннее,
Пустые мысли в голове,
И гонит ветер, не жалея,
Остатки лета по траве.

2012 год.

* * *

Вот и кончилось лето певучее,
Дождь, зануда, с утра зарядил,
Я фуфайку надел, что по случаю
У торговки заезжей купил,

Лист осенний кружится, как раненый,
Подстрелили его, да не в срок,
Лист зелёный, немного с подпалиной,
Бросил ветер на стылый песок.

Птицы к югу спешат, всё как водится,
По оврагам клубится туман,
По ночам досаждают бессонница,
Ноют шрамы залеченных ран.

2011 год.

* * *

Осенний день уныл и сер,
Кукожит душу до озноба,
Идёт борьба за передел,
С собою борется природа.

То дождь за окнами, то снег,
То снова солнце, как награда,
И затихает ветра бег,
И мы опять погоде рады!

Да что погода, жизнь сама,
Как солнца капля, входит в тело,
И грусть, что тучею плыла,
Куда-то тихо улетела.

2012 год.

* * *

Ещё вчера остатки бала
Хранила осень по садам,
Цветами радуги скрывала
Забывтый нами с лета хлам.

Ещё вчера была хозяйкой,
Хоть и холодной, но живой,
Ласкала глаз своей неяркой,
Слегка усталой красотой.

Сегодня всё переменялось,
Мне растревожил душу снег,
И даже ты, сойдя на милость,
Мне отпустила прошлый грех.

2012 год.

* * *

Зима дала нам передышку,
Сама решила отдохнуть,
Вставало солнце низко-низко,
Как будто падало на грудь.

Всё было вроде бы обычно:
Искрился снег, как мишура,
И даже дети, по привычке,
Катались с горки, как вчера!

Но всё же что-то изменилось
В моём сознание и во мне,
Коль сердце радостно забилося,
Когда подумал о весне!

2012 год.

* * *

Ложится снег на улицы и скверы,
И на цветы с поникшей головой,
Ложится на киоски из фанеры,
На плечи статуй и на нас с тобой.

Кружится снег и укрывает город-
И так всегда с неведомых времён,
Зима, и снег, и холодок за ворот,
А рядом ты, и я в тебя влюблён!

2012 год.

* * *

Мы ждали снег, и вот он лёг,
Как пух, на желтую траву,
Но только жить короткий срок
Отвёл мудрец вчера ему.

Примчался ветер-хулиган:
Зима ударилась в бега,
И снег растаял; лишь туман
Клоками выплыл на луга.

Сегодня мир опять другой,
Как в октябре, с утра дождит,
А я не знаю, что со мной-
Душа, наверное, болит!

2012 год.

* * *

Рябины куст алеет под окном,
В народе говорят: коль ягод много,
Холодным будет завтра окаём,
Зима надолго станет у порога.

Скуёт мороз озёра и пруды,
Дымы печные выпрут свечкой в небо,
Зверьё забьётся в норы от беды,
А я тебя укрою тёплым пледом!

Зажгу свечу, накрою в доме стол,
Огонь в камине весело запляшет,
И пусть мороз колотится в забор –
Нам никакой мороз уже не страшен!

2012 год.

* * *

Мы Новый год как сказку ждём,
Как день любви и обновленья,
Со снегом в ночь или с дождём-
Он дарит чудные мгновенья.

За нашим праздничным столом
Под звон курантов и бокалов,
Мы скажем много тёплых слов,
Но все равно их будет мало.

Потом уложим спать детей,
Друзей проводим до подъезда,
И фейерверками огней
Подсветим новые надежды.

Тихонько сядем на диван,
Обиды в прошлое отправим,
Пусть старый год ушёл в туман,
Он нам судьбу свою оставил!

2012 год.

* * *

Крещенские морозы,
 студёная пора,
Носы под шарфик прячет
 на горке детвора.
Замёрзший с ночи город
 почти что не живой,
Как сыч, раскинул крылья
 над Тяпкиной горой.
Бредёт лошадка тихо,
 цыган совсем замёрз,
Но кто его заставил
 и выгнал на мороз?
Была бы моя воля,
 сидел бы на печи,
Бутылочку спроворил
 да кушал калачи.
Но жизнь такая штука:
 желаешь или нет,
За всё бороться надо
 и даже за обед.
Разряженные бабы,
 (куда их чёрт понёс?)
Как три большие куклы
 шагают через мост.
Им, видимо, на радость
 та святочная жизнь,
Возможно, на потеху
 бабёнки собрались.
А может быть, устали
 они от женских дел,

Всему бывает в жизни
когда-нибудь предел.
Крещенские беседы,
весёлая пора,
Россия и в морозы
гуляет до утра!

2013 год

* * *

Вчера рассвет, укрытый хмарью,
Грозил тревогой и бедой,
Сегодня в розовой вуали
Он дарит счастье и покой.

Играет солнце, как на Пасху,
Шумят в боярке воробьи,
И все вчерашние напасти,
Сегодня стали не мои!

Не колет больше в подреберье,
А жизнь прекрасна и полна,
И все плохие сновиденья
Смывает свежести волна!

Я снова верю и мечтаю,
Любое дело по плечу,
Что будет завтра, я не знаю,
А может, просто не хочу!

2012 год.

* * *

Холодный, нежный и колючий
Скатился снежный водопад,
Не тот, что, обрываясь с кручи,
В себя вминает всё подряд.

Снег с ели падал и струился,
Стекал как серебристый мех,
На солнце радугой искрился
И накрывал нас сразу всех.

Он тёк за ворот, тихо таял
И щекотал, как озорник,
Но ты и снег – игра без правил,
И я к губам твоим приник.

Всё было просто и понятно:
От мокрых щек и алых губ
Тянуло свежестью и мятой,
И пахло ёлками от рук.

2012 год.

* * *

Лунная дорожка пролегла в саду,
Я по той дорожке до тебя дойду,
Веточек хрустальных нежный перезвон
Принесу с собою я в твой тихий дом.

Свежестью морозной одарю тебя,
Милая, на ночку приголубь меня!
Растопи печурку, обогрей тулуп,
Я с тобой не буду, как бродяга, груб,

Нежности и силы мне не занимать,
Коль сама захочешь, отнесу в кровать,
Не нужны нам гости, ты их не зови,
Задохнусь я ночью от твоей любви!

Лунная дорожка, горы серебра,
Не смотри в окошко наше до утра.
Лёгкая позёмка, схорони следы,
Упаси нас, Боже, от любой беды.

2012 год.

* * *

Если вдруг в изболевшую душу,
Словно кошка, запрыгнет хандра,
Ты советы чужие не слушай,
Лучший лекарь души – тишина.

В жизни нету лекарства вернее,
Чтоб любовь сохранить или сжечь,
Затеряйся в тенистой аллее,
Избегая назойливых встреч.

Или ночью, рыдая в подушку,
Сотни раз умерев от тоски,
Вдруг пойми, что напрасно подружку
Рвать хотела вчера на куски.

Станет сразу и проще и легче,
Отпусти свою душу в полёт,
Время всё потихоньку излечит:
А любовь тебя завтра найдёт!

2013 год.

* * *

Время промчалось – и мы постарели,
Стали колючи, как ветки у ели,
Бродит обида по дому, как туча,
Вряд ли нам будет от этого лучше.

Мы оба страдаем и рвётся душа,
Ведь ссора-то наша не стоит гроша,
Всё беспричинно, и всё наносное,
Ты не спокойна, и я не спокоен.

Ревность тупая, зачем и откуда,
Гложет нас эта с тобою зануда?
Кто нам подбросил такую заразу,
Может, теряем мы, милая, разум?

Были с тобою мы голуби в паре,
С первого слова всегда понимали,
Сядем давай и спокойно рассудим:
Мы ведь с тобой не случайные люди.

2012 г.

* * *

Сегодня утром не было грозы,
Вставало солнце как обычно,
Всё как всегда для средней полосы:
Тепло, приятно и привычно.

Крутились мысли роем в голове,
Хотелось многого и сразу,
Катился день, как мячик по траве,
Глотал язык заученные фразы.

Стихи твои читали мы с тобой,
Ну, в общем, как всегда на даче:
Гамак, берёзы, стадо под горой,
А над водою ива плачет.

Кричал совой за лесом тепловоз,
Я млел от счастья и надежды,
Когда, как раб, по лугу к речке нёс
Твои ажурные одежды.

А если зонтик над тобой держал
И защищал от солнца плечи,
Я счастлив был и просто ликовал,
И был готов идти с тобою вечно.

Но не мою судьбу читала ты,
И не меня во мне искала,
Я был не тот, не из твоей мечты –
Меня ты просто приручала.

2012 год.

* * *

Если вдруг набежала слеза
И туманит глаза пеленой,
Это значит – сегодня гроза
Не прошла от тебя стороной.

Значит, что-то случилось не так,
Как мечталось вчера на заре,
Может, просто какой-то чужак
Подшутил над тобой во дворе.

Или просто сегодня ты вдруг
Что-то в сердце открыла своём,
Ожидание чувственных мук
Полоснуло тебя как огнём.

В жизни всё ожиданья полно,
Что там будет ещё впереди,
То ли солнце блеснёт за окном,
То ли снова вернутся дожди?

Ну а может с утра во дворе
Песню счастья споёт соловей,
И мальчишку, что снился тебе,
Повстречаешь у школьных дверей.

2013 год

ЛЕБЕДЯНЬ

Город тихий, город-песня,
Здесь слова и мысли в лад,
И как звёзды в поднебесье,
Купола церковей горят!

Бродят сказки по подворью,
Дышат стены стариной,
Здесь не раз платили кровью
За надежду на покой.

Здесь не раз врага встречали,
Поднимали на копье,
И не раз на смерть венчали
В лисьих шапках воронье!

Было всё: и боль, и злоба,
Час беды, надежды час.
От рождения до гроба
Русь, как мать, хранила нас!

Уж давно нет вражьей рати,
Обмелел заметно Дон,
Только в звоне перекатном
Я тревожный слышу стон.

Бродит в мире злое племя,
Сеет смуту по лугам,
Золотым веслом еля
Правит к нашим берегам!

2011 год.

* * *

Летят над Доном птицы-кони,
Встают над яром на дыбы,
Куда спешат и кто их гонит,
Каким движением судьбы?

Горят огнём хвосты и гривы,
Гудит земля от их копыт,
А кони мчатся, мчатся мимо,
Пускай их Бог от бед хранит!

Пускай вожак найдёт дорогу,
Копыта вымоет роса,
Осталось им бежать немного,
Степные слыша голоса!

2011 год.

* * *

Усталый город спит спокойно,
Качает ветер шапки фонарей,
Собор Казанский – старый воин –
Хранит покой и веру у людей.

Деревья спят, и сны им снятся,
Они устали гнуться на ветру,
И только Дон спешит обняться
С волной морскою завтра поутру!

Бежит река, среди ив петляет,
Спешит на юг, не ведая преград,
А город спит, ещё не знает,
Что в эту ночь зацвёл вишнёвый сад!

2011 год.

* * *

Течёт река под белою скалой,
Бежит по каменному ложу,
Спешит в Азов степною стороной,
Летит вперёд, как только может!

Спешит река, торопит нас и век,
Хранит историю и даты,
Калмык, кипчак и даже печенег
Здесь лошадей поил когда-то!

Сарайский хан водил свои войска,
Чтоб Русь поставить на колени,
И князь Донской, стирая кровь с лица,
Молился Богу в исступленья.

Всё видел Дон, и всё в себе хранит:
Любовь, предательство и горе,..
Бежит река, и день и ночь бежит -
Такая ей досталась доля!

2012 год.

* * *

В веках теряется дорога
Славянских путаных путей,
От моего с тобой порога
До Византии давних дней.

От Рейна, Одера и Сены
До рек сибирских и морей,
Везде я наши вижу гены
И руки добрые друзей.

И пусть меня простят другие,
Ничем не хуже племена,
Я славянин и сын России,
Свои я сею семена!

Мне дорога моя Отчизна,
Чужих не надо мне идей,
Я жив, живу и ради жизни
Творю для Родины своей!

2012 год.

* * *

Когда на Калке и на Воже
Шли наши пращурь на бой,
Им Русь была судьбы дороже,
Они дрались за нас с тобой!

Они дрались за нашу веру,
За Русь святую и за крест,
За то, чтоб слышали приделы
Наш колокольный благовест,

Чтоб жили мы с тобою тихо,
Детей растили, честь блюли!
Чтоб никогда беду и лихо
К себе во двор не завели!

Чтоб совесть нам была порукой,
Друзья – друзьями, враг – врагом,
Чтоб не безделием и скукой
Мы наполняли отчий дом!

И чтобы в грозные години,
Когда враги идут стеной,
Стояли крепко! Наши спины
Не должен видеть враг живой!

2012 год.

* * *

Упала звезда, как фонарик, с небес,
Скользнула по своду земному,
Упала куда-то за Тютчевский лес,
А может быть – в поле у Дона.

Желание я загадать не успел,
И нужно ли было, не знаю,
Но долго стоял и на звёзды смотрел:
Вдруг счастье в ладошку поймаю!

2012 год.

* * *

Пляшет наша ярмарка,
ярмарка поёт,
Колесом по городу
ярмарка идёт!
Песенно-весёлая-
здесь стоять не смей,
Кружится и вертится,
как воздушный змей!
Девочки, как яблоки,
мальчики – огонь,
В Лебедяни ярмарка
пляшет под гармонь!
Вьётся юбок кружево,
туфельки стучат,
Завлекают девочки
молодых ребят.
Пляшет наша ярмарка,
пляшет и поёт,
Колесом по городу
ярмарка идёт!
Нету песням удержу,
разойдись, душа,
До чего же ярмарка
наша хороша!

2012 год.

* * *

Бывает на душе не так,
как хочет ум,
В извилистых тропинках подсознания
Я вижу суету
и слышу дикий шум,
Мне чудятся далёкие стенания!
И жизнь меня, как драма, грубо,
без затей,
Ведёт туда, куда и сам не знаю,
То воздаёт хвалу,
то злобу льёт в елей!
И я себя тогда не понимаю.
Кричу и вою,
крадусь по кромке света,
Встаю и падаю, ломаю шею,
Друзей зову на помощь,
но тщетно это!
Горю свечой, но чаще просто тлею!

2012 год.

* * *

Во мне таится предков зов,
Влечёт бунтарская порода
Из серых будней городов
На борт речного парохода.

Бросаю вещи в чемодан,
Забыв про почту в суматохе,
И опускаюсь, как в туман,
В каюту брежневской эпохи!

Ну вот и всё, прощанья миг,
Свой быт в асфальтовом угаре
Под парохода громкий крик,
Топлю в пластмассовом стакане.

Напьюсь до чёртиков, и пусть
Душа взбрыкнёт от перепоя.
Я так устал и не боюсь,
Что ничего уже не стою!

2012 год.

* * *

Душа – тайник с семью замками,
Никто не может их открыть,
Нельзя её обнять руками,
Нельзя продать и подарить.

Она частица мироздания
И на хранение мне дана.
Моя судьба, моё сознание,
Она, как мать моя, одна!

Она надежда продолженья,
Моя свобода и покой.
Душа не терпит возраженья,
Она живёт сама собой.

Душа ведёт меня по миру,
Она как гид в чужой стране,
Я без неё босой и сирый-
Пока я жив, она во мне!

2012 год.

* * *

Деревня моя кособокая,
Обветшалая, как и Русь,
По тебе иду или около-
От души за тебя молюсь.

Как могу, я прошу прощения
У старух, что глядят в окно,
Может, спят они, может, зрение
Потеряли давным-давно.

Вы простите нас, горемычные,
Что забыли сегодня вас,
Всё вы терпите, вы привычные,
Вы особый в России класс.

Вы пахали и сами сеяли;
В поле, падая под копной,
Нас рожали, и всё же верили,
Что вы счастливы под луной.

Пуповину зубами резали
И вязали льняным витком,
И надеялись, что не бездари
Будут дети у вас потом.

Драли юбку свою исподнюю,
Чтобы нас пеленать в рваньё,
Вы Россию руками подняли,
Свою душу вложив в неё.

Если б мог, я поставил памятник
Каждой женщине до небес,
Только вряд ли он их порадует,
Им не надо таких чудес!

Им ведь надо совсем немного:
Небо мирное и слова
Чтобы душу и сердце трогали.
Руки нежные до утра!

2012 год.

* * *

Я век живу не чей-нибудь, а мой,
Люблю друзей, щажу своих врагов,
Живу как все, я здесь, в России, свой,
Не надо мне лазурных берегов.

Пашу как вол, страдаю и пишу,
Молюсь своим богам; по мере сил
Иду вперёд, но сильно не спешу,
Ведь я и так немало нагрешил.

В чужих краях я не ищу приют,
Крещён я здесь, и всё вокруг моё.
Живу я здесь, и дети здесь живут,
Леса мои, и реки, и жнивья.

Но больно мне подчас, и сердце жжёт,
И, кажется, порой схожу с ума,
Когда вот так, бессовестно, гребёт
Страну в карман вчерашняя шпана.

Хочу кричать и, может, даже выть,
Моя судьба давно уже не в счёт,
Но как потомки будут наши жить,
Что скажет мне обманутый народ?

2012 год.

* * *

Мелькают дни, закаты и рассветы,
И с каждым днём часы бегут быстрее,
И, значит, скоро на большом совете,
Я встречу всех утерянных друзей.

Что им скажу я о себе и близких,
Куда качнутся стрелки у весов?
А вдруг откажут мне в раю с пропиской,
А в ад попасть пока я не готов.

Так пусть душа моя ещё подышит,
А может быть, споёт ещё не раз,
Я в этой жизни не считался лишним,
И мой пока не выполнен заказ.

Я знаю то, что в мире мы не вечны,
Но и спешить едва ли есть резон.
Пройдусь пешком я до своей конечной,
Пока пустой пусть катится вагон.

2012 год.

* * *

Я не люблю стихи пустые,
С налётом фарса, ни о чём,
Когда болеет вся Россия,
Нам надо думать не о том.

Поэт, как лекарь, лечит душу,
Счищает ржавчину с неё,
Спасая падших и заблудших,
Он дарит сердце им своё.

Он их ведёт, почти по краю,
Но не даёт разбиться в прах,
Кто падал сам, тот точно знает,
Что значит слово на устах.

Оно – молитва и спасенье,
Оно – надежда на успех!
В словах от сердца есть прозреньё –
В пустых словах таится грех!

2012 год.

* * *

Что-то грустно сегодня мне стало,
Может, хмарь навалилась с небес,
Или снова в дорогу позвала
Красота весьегонских невест!

Необъятные дали лесные,
Сердцу милый узор озерин,
Места нету другого в России,
Где б хотел я остаться один,

Где хотел бы уйти в разнотравье
И напиться прохлады живой:
Я по горло сегодня отравлен
Никому непонятной войной.

Мне не нужно от жизни покоя-
Тот, кто ляжет, уже не встаёт,
Я, конечно, не буду героем,
Но и подлость меня не найдёт!

2010 год.

* * *

Разруха бродит по России,
Глядит в глаза, стучит в окно,
Деревни те, что нас растили,
Тихонько умерли давно.

Вросли они в леса по крыши,
Заплёл дороги бурелом,
И жизнь уже почти не дышит
Над нами брошенным селом.

Дома, что срублены дедами,
Для жизни нашей и любви,
Всех пережив, сегодня сами,
На землю влажную легли.

Пройдут дожди, снега растают,
Над ними вырастет трава,
И внуки наши не узнают,
Что здесь их родина была.

2012 год.

* * *

Валили лес отцы и деды,
Срывая хрип, таскали пни,
Чтоб хлеба нам испечь к обеду,
Полжизни отдали они!

И нивы те, как поле боя,
Уже давно в селе народ
Зовёт по имени героя:
Матвея – нивами зовёт!

Пусть мал надел и колос мелок,
Но сколько раз в голодный год,
Тот хлеб, с Матвеева надела,
Спасал страдающий народ.

А время шло, и всё менялось:
Другая власть, закон другой,
Зачем пахать такую малость?
На нивах снова лес стеной.

Да что там нивы – капля это!
Нет деревень и даже сёл.
Я был на Рене этим летом
И дома друга не нашёл!

2012 год.

* * *

Я еду в лето издалёка,
Мотор ревёт, клубится пыль,
Несутся сосны мимо окон,
Вчерашний день – сегодня был!

Что позади – уже забыто,
Душа спешит за поворот,
Туда, где юности далёко,
Давно меня к себе зовёт.

Сейчас направо, вниз немного,
Потом вдоль речки и на мост,
Прямая – в дом идет дорога,
А та, что влево, – на погост!

Давлю педаль почти до пола,
Летит машина как стрела,
Вот там, на горке, наша школа-
Когда-то лучшая была!

За школой лес, а было поле,
Шумели рожь и клевера.
И сколько жил, я столько помню
Тропинку в гору от села.

Простые помню лица ваши,
Мои родные земляки:
Иваны, Павлы, тёти Маши –
Ваш тёплый взгляд из-под руки.

Кого-то нет, а кто далёко,
Вся жизнь в России под заказ,
Почти уж некому из окон
Смотреть с улыбкою на нас!

2011 год.

* * *

Иду давно: седьмой десяток лет!
Всё круче вверх моя дорога,
Всё чаще ночью вижу лунный свет,
А утром солнце у порога.

Бессонница судьбы седой удел,
Порок, а может быть, удача,
Хотел бы я иль даже не хотел,
Всё будет так и не иначе!

Так суждено и решено не мной:
Кому покой, кому тревога,
Но каждый год, что вырос за спиной,
Дарован мне по воле Бога.

Я не ропщу и не кричу навзрыд-
Какой в том толк, что я заплачу,
Я лучше помолюсь: пусть Бог хранит
Судьбу мою и, может быть, удачу!

2012 год.

* * *

Бежит вода и время тоже –
Несёт вода его печать,
Но лишь избранник неба может,
Что в ней написано, понять.

Ты хочешь славы и бессмертья
Великой сути вопреки?
Не могут ангелы и черти
Испить воды одной реки!

У нас у каждого дорога
Своей судьбой наделена,
Ещё в купели волей Бога
Была завещана она.

Трудом крепить державы силу,
Себя блюсти и честь свою,
Рожать детей и чтить могилы
Всех тех, кто жил в твоём краю!

2012 год.

* * *

Мы так малы, а мир велик,
Чтоб жизнь познать,
 едва ли хватит века,
Река времён всегда спешит,
Что ей судьба
 простого человека?
Сам по себе, почти один,
Ползёт он вверх,
 карабкаясь к познанию,
И, доживая до седин,
Совсем не факт,
 что получил признание.
Мы так малы, а мир велик,
Но хрупок он
 и даже беззащитен,
А мы всё лезем напрямик,
Забыв про цену
 будущих открытий!
Готовы рушить всё что есть
Во имя славы,
 а скорей – тщеславья,
И принимаем часто лесть
За знак любви
 и общего признанья!

2012 год.

* * *

Мы знаем о себе лишь то, что живы,
Что ночью спим, а кто-то, может, нет,
Бываем искренни и даже лживы,
У всех в запасе собственный секрет.

Порою спорим без предмета спора,
Свою вину не делим пополам,
И, заползая в комнаты, как в норы,
Проклятья шлём надуманным врагам.

Потом прощенья просим у иконы,
Хотим себя пред Богом оправдать.
Неважно, раб я или ты в короне –
Всем за грехи придётся отвечать!

2012 год.

* * *

Не часто нас судьба ласкает,
Не часто случай тешит нас,
А может, просто мы не знаем
Куда несётся наш баркас.

Плывем, как щепки в половодье,
То на стремнине, то в тиши,
Порой (как черти душу водят)
Навстречу пошлости спешим!

Грешим, ругаемся и плачем,
Клянемся честью и роднёй.
Конечно, лучше б жить иначе,
Но я ведь грешник, не святой.

Молю у Господа прощенья,
Прошу поддержку у друзей,
Но часто чары обольщенья
Бывают истины сильней!

2012 год.

* * *

Хожу, как тень, в домашнем полумраке,
Душа моя со мною не в ладах:
Скребётся кошкой, воеет, как собака,
И грузом тяжким виснет на ногах.

Веду борьбу со смыслом, на удачу!
Кому сегодня больше повезёт?
Вчера был дождь, сегодня всё иначе,
Искрится снег, и всё наоборот.

Пришёл рассвет – надежда обновления,
В ночи расцвёл волнительный росток.
И образ яркий, нежное сравненье,
Венцом прозренья выпал на листок!

Коль образ есть, то рифма тоже будет,
В строфу стихи сольются на заре,
За ночь в бреду я лишь себе подсуден,
Всё остальное – это не ко мне!

2012 год.

* * *

Говорят – собака воеет,
А она навзрыд ревет
От своей собачьей доли
И щенков своих зовет!

Чёрных, рыжих и косматых,
Тех, что ей милее всех,
Тех, что стали бы когда-то
Сутью всех её утех.

Только в жизни всё непросто,
Бег у времени суров,
В этом мире все мы гости,
И один для всех покров!

2011 год.

* * *

З.С.

Не знаю, есть ли в мире этом,
Глаза честней и преданней душа,
Не будь я чуточку поэтом,
Сказал бы просто: очень хороша!

Но повод требует открытий
И слов ещё добрее и нежней,
Признание в верности примите
От Ваших истинных друзей!

Пусть будет жизнь полна, как чаша,
А каждый день новее, чем вчера,
Пусть будет радость в доме Вашем
И завтра больше, чем вчера!

2011 год.

* * *

Я утром проснулся, по дому прошёл
И, странное дело, жену не нашёл.
Всё время была у меня на пути,
А тут не могу я подругу найти.

Сбежала к другому, а как же мне быть,
Ведь я не могу в одиночестве жить?
Умру от тоски и от голода тоже,
Вот – даже мороз пробежался по коже.

Штаны надеваю, спускаюсь во двор,
Но только и там я её не нашёл,
Сходил в магазин и пошёл в огород-
Она меня, милая, там уже ждёт.

Все грядки в порядке, салат и редис,
И грозди томатов спускаются вниз,
Будто солдатики, встала морковка,
Здорово как! Уважаю чертовку!

Вот веточки тянет ко мне виноград.
Ну, милая, здравствуй! О, как же я рад!
Уж ты не ругайся, со мною присядь,
Как много я должен тебе рассказать.

2012 год.

* * *

Нас всех рожали для победы!
Зимой холодной или в зной
Желали матери и деды,
Чтоб счастье нас нашло с тобой.

Желали нам они удачу,
Здоровья, счастья и любви,
Чтоб жили мы чуть-чуть иначе,
Конечно, лучше, чем они.

Чтоб было хлеба вдоволь в доме
И небо мирное вокруг,
Чтоб ты с рожденья просто помнил,
Как наших прадедов зовут.

Берёг страну и честь мундира,
Своих друзей и край родной,
Чтоб мир берёг, и ради мира
Готов был жертвовать собой.

Но лучше пусть всё будет проще,
Пускай судьба наш край хранит,
Пусть рядом вырастет помощник
И нас с тобою повторит.

2013 год.

* * *

Я прожил жизнь, наполненную ветром,
Кидало вверх – и снова падал вниз,
Но честно шёл отмеренные метры,
Судьбы своей я выполнил каприз.

Я не бросал страну и веру тоже,
В Россию верил больше, чем в себя,
И верил другу: друг всегда поможет
И, если надо, вытащит меня.

Ремень армейский затянув потуже,
Шагал как все, наматывая пыль,
Но стал вчера я никому не нужен –
Моя страна легла на оверкиль.

Но я не плачу, толку в этом мало:
Себя травить едва ли есть резон,
Уже не раз в Отечестве бывало,
Когда менялся старый гарнизон.

Я проживу, хотя порой обидно,
Что нет страны, которую любил,
И жаль ещё, что никому не видно,
Куда наш кормчий нынче зарулил.

2013 год

* * *

Восходит солнце на востоке,
Вершит судьбы круговорот!
В краю пустынном и далёком
Мой город памяти живёт!

Там было всё светло и чисто,
Душа светилась, как алмаз,
И жили мы, как Монте Кристо,
Природой скрытые от глаз.

Там были годы без огласки,
Но ахал мир от наших дел,
И тот конёк, ершовской сказки,
Для наших скачек не предел!

Коней водили мы покруче,
И ржали кони те сильней,
Они могли скачком могучим
Достать до марсовых полей.

Мы там Россию защищали
Своим умом и силой рук,
И даже дети наши знали
Про крест на небе и про круг!

Сегодня Русь, забыв героев,
Ещё несёт тот прочный щит,
Что нами был в степи построен
И до сих пор страну хранит!

2012 год.

* * *

*Воинам русским, погибшим на поле между
деревнями Батеевка и Бородино
5 января 1609 года, посвящается!*

Две деревни, как брат с сестрой,
Рядом поле, а дальше лес.
Зарастают они травой,
И поклонный темнеет крест.

Путь – дорога туда одна,
И людей там наперечёт,
Почему же меня тогда
В глушь седую душа влечёт?!

Есть, наверное, в тишине,
Что над полем витает здесь,
Очень нужное что-то мне,
Что, не знаю, но точно есть!

Может, слышу я сквозь века
Крик о помощи, чей-то зов.
Коль поможет моя рука,
Вместе с ними я встать готов,

Только нет, тишина вокруг,
Луговая трава ковром,
Уж прости меня, воин-друг,
Далеко мы сейчас живём!

Только знай: не напрасно ты
Отдал жизнь посреди снегов,
Было время, когда и мы
Крепко били твоих врагов.

И поэтому Русь стоит,
И стоять ей во все века!
Славу вашу мы будем чтить –
Память наша ещё крепка!

2011 год.

*По рассказу отца о боях в районе города
Великие Луки около совхоза «Ушицы».
На отца пришла похоронка, а он выжил.*

Нас немцы бьют, колотят в хвост и в гриву,
Комбат молчит, нет у комбата слов,
И мы молчим и лишь считаем мины,
Что ближе наших падают постов.

Будь проклят тот, кому война – забава,
А мне она последний рубикон,
Вот поползти б до домика, что справа,
Потом до леса, и чуть-чуть потом...

Что Бог пошлёт, ведь пуля, знаю,- дура,
Кричу как все, до хрипа на разрыв!
Солдат в бою – особая фигура,
Бывает так, что бьётся за троих.

Вон пулемётчик снова, сволочь , строчит,
По снегу пули сыплет, как горох,
Но будет час, мы и его замочим,
У нас приказ – и, значит, с нами Бог!

А нет, так нет! Напишут пару строчек:
Геройски жил и умер как герой,
Хотя, по чести, я совсем не очень
Хочу лежать с пробитой головой!

Но вот комбат рванул из «трёхдюймовки»,
Запас словарный выплюнул на снег
И побежал, хотя и без сноровки,
А мы за ним, надеясь на успех.

Бежал и я, бежал и матерился,
И даже выл, покуда не упал.
Бойца того, что на меня свалился,
Я знаю, Бог за преданность послал!

Друзья меня не бросили на поле,
Всю ночь тащили не жалея сил,
И старый врач, я это тоже помню,
Мне двадцать грамм для храбрости налил!

Война вспахала наши души плугом,
Безжалостно вспахала, на развал,
И до сих пор я вспоминаю друга,
Которого в том поле потерял!

2011 год.

* * *

Я иду по земле, где сражались отцы,
Задыхаюсь от ветра и слёз,
Я здоровый мужик, а мальчишки, юнцы,
Прямо здесь умирали в мороз.

Может, там, на бугре, где на склоне кусты,
Их накрыла свинцовая муть,
Может, здесь, на юру, оборвались мечты
И пришлось им навеки уснуть,

Может, кто-то из них, прикрывая отца,
Мне судьбу начертал на снегу...
Я смотрю и смотрю, но не вижу лица-
И узнать их никак не могу.

Но порою в ночи мне слышны голоса,
Будто кто-то тихонько зовёт,
Может, парня того золотая душа
В этой жизни меня бережёт.

2013 год

ПАМЯТНИК

Присели бойцы у дороги в траве,
На камень присели погреться,
Устали солдаты идти по войне,
Взорвалось солдатское сердце!

От мины осколки рассыпав вокруг,
Война рассчиталась по счёту,
И камень гранитный, как истинный друг,
Теперь охраняет пехоту.

Алеют тюльпаны, гвоздики, как кровь,
И лица, прикрытые дымкой,
Мальчишки, не знавшие слова « любовь»,
Сидят у дороги в обнимку!

2012 год.

* * *

Сегодня жить в России просто:
Гуляй смелее и ликуй,
А упадёшь – тебя к погосту
Свезёт какой-нибудь холуй.

Могилу выроют что надо,
Ковш экскаватора – он что,
Ему себя беречь не надо-
Штаны в порядке и пальто.

Поставят крест, напишут номер,
Лежи спокойно – не грусти,
Ты не один сегодня помер,
А за убожество – прости.

Скажи спасибо дяде Васе,
В душе он чувственный такой,
Он даже гроб слегка покрасил
И выжег номер кислотой.

Но коли родичи найдутся,
Им номер тот укажет путь,
Они поплачут и напьются,
Да и тебе нальют чуть-чуть.

Повысят статус твой высокий:
Ты из безродных станешь свой,
Потом расскажут ненароком,
Что ты страны своей герой,

И что судьба твоя лихая,
А ты совсем и ни причём,
Что бабка Нюра, хата с краю,
Тебя сломала первачём.

Поставят памятник из бронзы,
Напишут крупно кто такой,
И вот туристы в день морозный,
Попрут на кладбище толпой.

А кто виновник-дядя Вася!
Красиво номер написал,
Он просто добрый, дядя Вася,
А про героя он не знал!

2012 год.

Из цикла «Невыдуманные истории»

ГОРОДСКАЯ ЗАРИСОВКА

Не зря в народе говорят, что от трагического до смешного один шаг. Так оно и есть, стоит только внимательнее приглядеться и прислушаться к тому, что происходит вокруг. Эту бытовую сценку мы наблюдали с женой на оживлённом лебедянском перекрёстке в районе современного магазина «Покупайка» и частной аптеки по улице Интернациональная. Все события происходили на протяжении 5-7 минут и очень динамично.

Первым на перекрёстке появился наш главный герой- мужчина лет семидесяти или, может, даже немного постарше. Он был в солидном подпитии, но передвигался довольно уверенно. По-видимому, его отношения с женой были далеко не безоблачны. Так как его нахохленный вид и явная готовность к отражению домашней атаки свидетельствовали об этом. Он шел и разговаривал сам с собой: « Бабка, ты что, ё-моё, какой я пьяный? Ты меня поила? У тебя не допросишься, ты мне

хоть рубль дала? Сама ты бабка пьяная! Хочешь, я по одной доске пройду? На что пил? Тебе какая разница, ну пил и пил, раз налили, не выливать же, ты смотри у меня, а то договоришься...» Дальше слова его не были слышны, но то, что он продолжал разговаривать, можно было судить по его оживлённой жестикуляции.

В это время появилась ещё одна, довольно обширная и не менее интересная группа жителей нашего города: две стройные, я бы сказал, даже очень стройные и симпатичные девушки, по-видимому, студентки местного техникума, и два молодых человека, которые вышли из продовольственного магазина с охалками хлебобулочных изделий в руках. Один из молодых людей так засмотрелся на загорелые стройные ножки, очень откровенно выглядывающие из-под юбки, которую и юбкой – то назвать было сложно, что не заметил выступающий из земли, бордюрный камень. Потом был полёт головой вперёд со всеми вытекающими отсюда последствиями. Какими словами и на каком сленге говорил попутчик данного летуна, я пересказывать не берусь, ибо это очень далеко от литературного языка.

Но на этом события, так бурно развивающиеся на наших глазах, не закончились.

Переругиваясь между собой, мужики собрали с земли хлеб и сели в автомобиль, продолжая между собою дискутировать, и начали движение, не заметив проезжающий сзади «жигулёнок». Дальше был скрип тормозов, глухой удар жестянки в жестянку и трёхэтажный мат.

Продолжения событий мы дожидаться не стали: стыдно смеяться над чужой бедой!

ДЕРЕВЕНСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Я вырос в тех краях, где лес для человека поилец и кормилец. Грибы и ягоды являются неотъемлемой составляющей рациона любой семьи, да и дичь в голодные годы заменяла любые мясные деликатесы. Я рано научился ставить петли и капканы на зайца, а тепло и уют в доме – тоже заслуга леса. Мочалка в бане, а в более ранний период и обувь – это тоже были дары леса. Как только я смог хоть как-то быть полезным отцу, он стал брать меня с собой в лес на заготовку дров. Отец валил деревья, а я обрубал сучки и стаскивал их в кучу, чтоб потом было удобно их сжигать. Лесники строго следили за порядком в лесу, и к их требованиям относились очень уважительно. Без тепла в доме не перезимовать. Готовые хлысты пилили на брёвнышки, складывали в штабеля, и после того, как выпадал снег, и земля промерзала, дрова вывозили в деревню, где их пилили на чурки, кололи и готовые поленья складывали под крышу для просушки.

Зимы в тех местах суровые, и дров требовалось много. Родители не всегда могли поехать в лес, и, как правило, доставка дров ложилась на плечи подростков. Дрова, чаще всего, возили на быках, так как техники тогда было мало и вся она была задействована на полевых работах. Впрячь быка в сани дело не простое, так как это крупное и упрямое животное явно не хотело выходить из тёплого помещения на мороз. Впрягали их взрослые мужики. Передвигались быки медленно, не спеша, и если они останавливались, то требовались неимоверные усилия, чтоб заставить их снова стронуться с места, а мальчишек они вообще слушались плохо. Не знаю почему, но всех быков в деревне звали только Тимошками и Яшками, других кличек не было.

Как правило, мальчишки в лес ездили вдвоём или даже троём, так и легче, и безопаснее. Самый старший из нас всегда был главным. До делянки, где заготавливали дрова,

добирались больше часа. Когда замерзали, выпрыгивали из саней и шли пешком, благо и бык никуда не спешил. Зимний лес прекрасен: сосны и ели, укрытые снегом, безумно красивы, а если по дереву стукнуть палкой, то вниз падал водопад мелких снежинок. Вообще, дорога через лес как увлекательная книга: на белом, безупречно чистом снегу следы зверей и птиц смотрятся, как строчки в книге. Знающий человек свободно читает эту книгу и сразу видит, когда и кто пробежал. В зимнем лесу безопаснее, чем летом: медведь спит в берлоге, волки, которых описывают кровожадными чудовищами, за все время моего пребывания в деревне, ни разу не проявили свою агрессивность и старались людей избегать, а заблудиться невозможно, так как всегда можно выйти по следу.

В лесу мы грузили дрова на сани, обвязывали их верёвкой, чтоб не растерять по дороге, и потихоньку отправлялись домой. Обычно обходилось без проблем, а в этот раз бык заупрямился, тащить воз не захотел, лёг на снег, и что мы с ним не делали, идти не хотел. Перспектива ночевать в лесу нас не устраивала, да и без дров возвращаться не хотелось. Стали держать совет, предложения были разные. Старший из нас сказал, что он слышал, как мужики в подобной ситуации заставили быка подняться, сунув ему под хвост горящий факел. Идея нам понравилась. Так как другие варианты на ум не приходили, приступили к реализации предложения. Собрали сухую траву, подложили под хвост быка и зажгли. Дальше был форс-мажор. Мы даже глазом не успели моргнуть, как бык вскочил и с рёвом сорвался с места. Ярмо и гужи разлетелись вдребезги, бык убежал, а сани остались на месте. Как ни пытались, догнать его было невозможно. Так и бежали мы за ним до самой фермы.

За свою инициативу мы получили от родителей по полной программе, а за дровами поехал отец. Быков нам ещё долго не доверяли, а все деревенские ребяташки потешались и называли нас дрессировщиками.

КУРИНОЕ ПЬЯНСТВО

Я слышал раньше о тяге куриной к спиртному, но думал, что это вымысел шутников. Ведь и среди людей любителей зелёного змия не счесть. Но за достоверность этого случая ручаюсь, поскольку произошло это с курами моей хорошей знакомой, которая явно не склонна к преувеличениям.

События развивались в течение нескольких лет, поскольку борьба с куриным алкоголизмом, как и у людей, не поддаётся быстрому результату, а если честно, вообще не поддаётся, то закончилось это применением радикального способа путём отсечения головы, но в данном случае пришлось приговорить к высшей мере наказания всю куриную стаю. Причиной массового алкоголизма кур явилась соседка баба Шура: она в течение ряда лет занималась совершенствованием процесса изготовления домашнего самогона. Отходы спиртного производства из баньки самотёком стекали под откос близлежащего оврага. Там их и нашли куры из хозяйства моей знакомой.

Источник пьяного синдрома обнаружился легко, поскольку пьяные куры и особенно петух местами своего отдыха нарисовали четкую схему маршрута движения: они засыпали там, откуда больше не могли двигаться вперёд. Самые отъявленные пьяницы спали почти у рукотворного ручья, кто посильнее – валялся ближе к дому. Петух, самый сильный из них, засыпал у входа в курятник. До курятника он добирался подобно пьяному солдату, выполняющему сложнейшие строевые приёмы: хлопал крыльями, выбрасывал вперёд ноги как часовой из роты почётного караула, при этом через два-три шага падал, трепыхался и поднимался снова. Пытался звать своё куриное войско, но тщетно – все его усилия были напрасны.

Хозяйка запирала кур на месяц, на два, но как только она их выпускала на первую прогулку, всё начиналось снова. Надежда была на зиму – во всяком случае, была вероятность,

что зимний арест плодотворно повлияет на куриную психологию, но не тут-то было: первый же весенний выгул пернатых показал, что пагубная страсть к спиртному не прошла. Пришлось всё стадо пустить под нож. Но ведь хочется, чтоб было своё, домашнее яичко. И снова моя знакомая завела кур, но всё повторилось. Опять куры нашли дорогу к волшебному ручейку – и вновь по осени приговор курам был вынесен без смягчения на какие-либо обстоятельства.

С тех пор моя знакомая за яйцами ходит на рынок, а домашнее производство спиртного у соседки продолжает процветать.

ВАСЬКА

В нашем доме кошки и собаки занимают особое положение – при планировании семейного бюджета на них выделяется своя статья. Ещё моя бабушка говорила, что в первую очередь должны быть накормлены животные и только потом садятся за стол все члены семьи: эту заповедь мы свято выполняем до сих пор. Наша любовь к кошкам и собакам передалась и внукам. Не знаю, каким образом, но животные, даже чужие, чувствуют это.

Однажды жена возвращалась домой из магазина. На тротуаре, в полукилометре от дома, она увидела пару маленьких нахохленных котят. У нас уже жили две кошки и неожиданное пополнение было не очень желательно. Руки у жены были заняты пакетами с покупками, даже при желании, взять котят на руки она не могла и просто позвала их идти с ней. Пошёл только один серый котёнок. Маленький, голодный и грязный, он плёлся за женой, иногда отставал, но потом догонял и шёл рядом. Его упрямство ей понравилось, и она сказала ему: «Если дойдёшь, будешь у нас жить». Котёнок, как будто, понял это и мужественно преодолел оставшееся до дома расстояние, даже к крыльцу свернул самостоятельно.. Котёнок оказался котом, и внуки дали ему самую распространённую кличку – Васька.

Васька из маленького котёнка превратился в большого серого кота, очень хитрого и ласкового, любимца всех домочадцев. Одна беда- кот стал очень вороватым и даже начали возникать проблемы с соседями. Однажды он притащил большой кусок сала, в другой раз принёс рыбу. Мы, безусловно, понимали, что денег у кота нет, и магазин Васька не посещает, единственное, что мог сделать наш проказник – это украсть.

Трофеи Васька приносил домой, вероятно, так хотел отблагодарить хозяйку. Бесконечно этот разбой безнаказанно про-

должаться не мог и однажды мы нашли кота основательно побитым. Лечили его долго, но на лапы поставили. Некоторое время он был тише воды и ниже травы, а потом вообще исчез. Искали мы его везде, но безрезультатно.

Прошло месяцев шесть. И вот однажды, на рынке, ко мне подошёл и стал тереться об ноги кот, внешне – просто вылитый Васька. Кот мурлыкал и вёл себя, как старый знакомый. Работник рынка сказал, что кот этот живёт в сторожке церкви и уже давно. Сердце мне подсказывало, что это Васька, но всё-таки надо было проверить – не хотелось быть воришкой чужих котов. Я посадил Ваську в салон автомашины, что он воспринял весьма доверительно, и пошёл в церковь, чтоб удостовериться в том, что это кот наш. Сторож подтвердил, что появление его в церкви совпало с пропажей нашего Васьки, и был совсем не против, чтоб я его взял себе.

Не буду говорить, сколько радости было у моих домочадцев, когда кот снова очутился дома. Он повёл себя так, как будто никуда не пропадал, всё было хорошо до тех пор, пока мы не переехали на новую квартиру. После переезда Васька стал волноваться и подолгу не возвращался домой, а однажды опять исчез. Через месяц кот снова объявился в сторожке церкви. Мы не стали его больше тревожить: Васька ведь сам решил, как и тогда ещё котёнком, где ему жить. Я встречал Ваську и позднее, даже угощал колбасой, он был такой же красивый и ласковый кот и никогда не пытался от меня удрать, даже наоборот, мне иногда казалось, что он ждёт встречу со мной.

МАТВЕИЧ

Как я заметил после приезда в Лебедянь, шутников здесь довольно много, в первые же дни моей работы в качестве главного инженера предприятия, мне пришлось со многими из них встретиться и неоднократно. Так уж, наверное, бывает в малых городах России, что прежде чем принять человека за своего, его проверяют, или проще говоря, придумывают какую-нибудь историю и наблюдают, как новый начальник на это отреагирует.

Пьянство в те годы процветало, и не проходило ни одного дня, чтоб не пришлось разбираться с очередным прогульщиком. Некоторых увольняли, но были такие «крутые» специалисты, которых уволить было просто нельзя, так как за те деньги, которые платили за работу, найти хорошего специалиста было просто невозможно.

Работал у нас в столярной мастерской старичок, которого все звали просто – Матвеевич. Человек тихий и незаметный, но дело своё знал и работу выполнял уверенно. Трудился он в столярной мастерской и изготавливал последнее пристанище для усопших жителей славного города. Кроме основной продукции, заказывали ему и всякую мелочёвку: мётлы, черенки для лопат и прочее. В общем, был Матвеевич человек незаменимый, но спиртное любил крепко.

Однажды получили мы заказ на несколько домовин сразу, а столяр пропал. Искали его чуть ли не всей конторой, поскольку заказ был важный и для нужных людей – ведь и они, и их родственники тоже люди смертные. Рабочий человек своего коллегу просто так не выдаст, хотя многие Матвеевича и его штучки знали и могли бы найти его без труда, но только хитровато посмеивались, глядя, как начальство колготится и бегаёт по двору предприятия. Но среди самого твёрдого коллектива всегда находится человек, который готов угодить начальнику, один из них и шепнул мне, где Матвеевича искать.

Я сначала возмутился, подумал, что надо мной тоже шутят, но рабочий был родственник жены, и я ему поверил.

В мастерской стояло несколько готовых изделий, человеку робкому вообще-то заходить в помещение, в котором в один ряд стоит несколько гробов, жутковато, но надо было ещё определить, в каком из них спал наш герой. Пришлось прикладываться к ним ухом, и в одном из гробов я услышал тихое похрапывание. Теперь я решил над Матвеевичем пошутить: взял молоток и стал забивать в крышку гроба гвоздь, она мигом отлетела в сторону и взлохмаченная голова столыра высунулась наружу. По всему было видно, что он ещё не понял, что произошло, но напугался изрядно. С тех пор мы стали с Матвеевичем чуть ли не приятелями, да больше он подобным образом и не прятался.

ЭРОТИКА ПО-ДЕРЕВЕНСКИ

Колька, вихрастый мальчишка с кучей конопушек на носу, был, ввиду своего весёлого нрава, любимцем всей Калиновки – деревушки домов в сорок, избегающей по косогору вдоль ручья, почему-то названного Поповским, хотя в деревне отродясь ни одного священника не было. Время было послевоенное, народ потихоньку отвыкал от суровой жизни. Хотелось веселья и развлечений, поэтому вечерами все собирались у амбара, посреди деревни, и до поздней ночи заливалась голосистая гармошка. В тёмных углах, между домами, иногда слышались вздохи и поцелуи. Изредка приезжала кинопередвижка, и на экране из белой простыни разворачивались такие действия, что у Кольки и его друзей дыхание перехватывало. А так жизнь шла как обычно – размеренно и строго, и даже, можно сказать, скучновато. Поэтому молодые мужики и парни придумывали всякие каверзные штучки и потом подсмеивались друг над другом, особенно доставалось мальчишкам. Мужики сажали ребятишек на воз с сеном или мешками, а платой за поездку была частушка, и уж, конечно, мальчишки старались друг перед другом: иногда частушки были такого содержания, что уши вяли, а ребятишки, как молодые петушки, орал на всю округу, стараясь перекричать друг друга. Женщины и мужики постарше подобные концерты не одобряли, ругали великовозрастных олухов, но на следующий день всё продолжалось.

У Кольки в доме на время посевной поселились трактористы, мать готовила им обеды и завтраки. Весёлая разношёрстная компания за столом вела себя шумно. Кушали с байками и прибаутками, Кольке место за столом выделяли на общих основаниях, и кусок мяса ему тоже доставался, а в те, не очень сытые годы, это была лафа. Мальчишке очень хотелось принять участие во взрослых разговорах, но никак не попадалась нужная тема. Но вот однажды Колька стал героем дня. Он в

этот день и к столу-то вышел как-то важно, не заметить это было нельзя. Бригадир трактористов, самый пожилой из них, а звали его почему-то странно – дядька Фуфай, сказал: «Что-то ты, Колюха, сегодня как будто палку проглотил? Суровый такой». Колька подошел к нему и наклонившись к уху бригадира сказал: «Дядька Фуфай, я Вам сейчас такое расскажу!» Уже по Колькиному расплывающемуся от удовольствия лицу трактористы поняли, что новость будет ошеломляющей, и радостно загоготали. Колька не спеша прошёл к столу, сел на приготовленное ему место и начал своё повествование: «Ну, мужики, чего я вчера видел!» Тут Колька многозначительно посмотрел на единственную в бригаде женщину-трактористку, Татьяну. Мужики переглянулись – дело принимало нешуточный оборот. «Когда Вы в кино ушли, мамка меня не пустила, за то, что я яблоки у бабки Груши обтряс, и загнала на печку спать. Она думала, что я сплю, а я-то всё видел». Тут мужики уже заёрзали на лавке, чувствуя, что их ждёт что-то необычное, а Колька продолжал: «Только Вы ушли, пришла Танька, разделась голая и стала показывать мамке титьки, говорит, они у неё потрескались». В доме раздался такой гогот, что стёкла дрожали так, как будто за деревней бомба упала. Таньку как вихрем сорвало с места, и она пулей выскочила на улицу.

Колька понял, что с новостью переборщил, и замолчал, но мужики требовали продолжение: «Что дальше-то было?» Кольке уже не хотелось продолжать свой рассказ, но мужики настаивали, и тогда Колька выдохнул: «А потом мамка ей титьки солидолом мазала!» Мужики ржали как лошади, но триумфа у Кольки не получилось: из сеней ворвалась мать с ремнём в руке, и Кольке пришлось спасаться бегством.

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Это произошло на раскорчёванном болоте, где велись работы по добыче торфа. История, прямо скажу, получилась с одной стороны, редкая, но для человека, наверное, и вообще лучше бы такое не происходило.

С момента раскорчёвки прошло несколько лет, на месте торфяного болота образовалось ровное поле, на котором в несколько рядов наметились валы из верхнего слоя земли и перегнившего мелколесья. На валах выросло множество кустов дикой малины, а в этот год малины уродилось немеряно, и народ из ближайших деревень активно занялся её сбором.

Я приехал к родителям в самый разгар сбора ягод, и однажды мать пригласила и меня сходить с ней по малинку. Взяли с собой по ведерку и отправились на болото. Ягода в ведре прибывала довольно быстро, хотя и в рот попадало много. Часа через два я набрал уже более половины ведра и больше клал малину в рот, чем в ведро, как вдруг услышал, что с другой стороны кустов ещё кто-то собирает ягоду. Правда, показалось довольно необычным, что уж больно сопел и чавкал странный сосед. Прошло, наверное, минут пятнадцать, прежде чем мы с ним постепенно сблизились. Дальше была немая сцена, сколько она длилась, знает наверное, только Господь Бог: с другой стороны куста на меня смотрел большой рыжеватый медведь. Кто из нас кричал потом громче, никто не скажет, но побежали мы одновременно, хотя и в разные стороны. Медведь, я думаю, испугался больше, потому как потом по его следу были видны следы помёта. Со мной, слава богу, такого не произошло, но больше я в этот год за малиной не ходил.

УМНЫЕ МЫШКИ

История эта не выдуманная, произошла она на берегу небольшого пруда вблизи села Троекурово. В пруду неплохо ловится ротан – появилась недавно в наших прудах такая хищная рыбёшка, а иногда попадает карась в ладошку величиной. Вокруг, по полям и на склонах оврагов, растёт бесчисленное множество всевозможных лекарственных трав. Едва ли можно придумать лучшее место для рыбалки и отдыха. Всё было сначала как обычно: я прикормил место, закинул удочку и сел под лозинку в ожидании поклёвки, а жена с внуками расположилась неподалёку, в тенёчке. Подготовленные для прикорма перловая каша и кусочки хлеба лежали рядом со мной. То, что произошло дальше, я не забуду никогда. Из кустов, слева от меня, выбежала маленькая мышка – полёвка, добежала до середины дорожки между кустами, остановилась, внимательно посмотрела на меня маленькими глазками-бусинками. По-видимому, не увидев во мне угрозы, она спокойно продолжила свой путь и скрылась в зарослях с противоположной стороны тропинки. Каково же было моё удивление, когда через минуту мышка выбежала из куста и спокойно подбежала к пакету с перловкой, набрала каши в рот и также спокойно скрылась в кустах. Через несколько секунд всё повторилось, и так было несколько раз. Эту удивительную картину наблюдала и подошедшая ко мне жена. Но этим дело не кончилось, всё самое интересное было ещё впереди. Наша маленькая проказница вернулась в куст, из которого появилась первый раз, и, о чудо!- через пару секунд она выскочила на тропинку вместе с маленьким мышонком, который, увидев меня, юркнул назад, в куст.

Мышь-мама вернулась за ним и снова предложила мышонку перебраться вместе с ней туда, куда она так усердно носила пищу. Полёвка так забавно попискивала, что с третьей или четвёртой попытки ей удалось убедить мышонка в том, что

ему ничего не грозит. И они вместе достигли желаемой цели.

В этот день я впервые усомнился в том, что животные руководствуются только инстинктом, и вообще эта встреча с маленькими и шустрыми животными во многом изменила моё отношение к природе

Через несколько дней мы снова приехали на то же место, но увидеть наших маленьких друзей нам уже больше не удалось.

ВСТРЕЧА НА ЗАРЕ

Во время службы в армии мне часто приходилось бывать в красивейших и, можно даже сказать, экзотических местах, где природа была настолько прекрасна и богата дичью, что, описывая её, невозможно обойтись без сравнений в превосходной степени. Хочу поделиться с вами рассказом об охоте на одном из озёр, в пойме реки Сыр-Дарья. Озеро было рукотворное – обширная долина, заполненная водой, сливаемой с рисовых полей при подготовке их к уборке урожая. А так как озеро пополнялось водой ежегодно, то вокруг него были прекрасные заросли из кустов джингиля и дикой маслины. Рыбы в озере также было много, вдоль берега рос камыш, а дальше простиралась ровная степь.

На охоту мы всегда ездили большим коллективом, так было и веселее и безопаснее, да собственно и охота то для нас была просто возможностью отвлечься от работы и отдохнуть. Уезжали на два-три дня, ставили палатки, лагерь готовили по всем правилам, мусор после себя не оставляли никогда. Дичи добывали ровно столько, чтоб приготовить добротный охотничий ужин. Охотились только на утренней и вечерней заре, а днём ловили рыбу и купались или просто бродили по окрестным местам. Охотились только на водоплавающую дичь, хотя во время прогулок вокруг озера встречались и лиса-корсак, и заяц, и фазан, и даже камышовый кот, но охота на них была запрещена, и мы свято соблюдали требования охотоведов.

Во время одной из таких прогулок я увидел выводок крупных птиц, которые были мне неизвестны, внешне они напоминали крупных бройлеров, а по расцветке похожи на куропаток, были они на расстоянии выстрела, но стрелять не хотелось – настолько интересны были эти птицы. В лагере я рассказал о встрече, и опытные охотники объяснили, что это была семья степных дроф, птиц, которые даже в тех богатых дичью краях, встречаются весьма редко.

На утреннюю охоту мы уходили ещё затемно, каждый становился на свою точку и тихо ждал начала лёта уток, иногда налетали гуси, но редко. В большинстве своём охотники мы были не очень опытные и всегда прислушивались к мнению более опытных товарищей.

Однажды, ещё до восхода солнца, к озеру подлетела стая птиц, крылья которых не шумели, а пели, и в тишине это было так необычно, что не прозвучало ни одного выстрела, вдоль цепи охотников передавалась только одна фраза: «Не стрелять! Лебеди!». Эти гордые птицы пролетели над нами совсем низко, и песню их крыльев я помню и сейчас. Много времени прошло с тех пор, уже и глаза подсели, да и ноги стали мало управляемыми, но, честное слово, я б с огромным удовольствием поехал в те края, чтоб снова на рассвете встретить лебединую стаю.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА РЫБАЛКЕ

Я люблю природу во всех её проявлениях. Никакие погодные условия: дождь, снег, ветер – никогда не мешали мне придумать что-то для жены и всё-таки, как она говорит, «смотреться из дома». Это было у меня с детства, ещё тогда я мог с куском хлеба и двумя-тремя картофелинами сутками пропадать на речке и в лесу. Болезнь эта преследует до сих пор и, по видимому, передалась и сыну.

В тот раз всё началось с приезда приятеля из Москвы. На дворе был ноябрь, и было довольно холодно. В Казахстане в это время года ночью подмерзает, а днём довольно тепло, и мы, по его просьбе, поехали на одно из озёр. Всё шло как обычно, и я был уверен, что рыбалка у московского гостя будет отменная, но ночью был сильный мороз и озеро от берега, метров на пятьдесят, замёрзло. Но что может удержать активных мужиков, если они приехали на рыбалку? Накачали лодку, уложили в неё необходимые снасти и потихоньку, разбивая лёд, благо он был довольно тонкий, я стал выбираться поближе к середине озера. Добравшись до нужной точки, а это было около трех сотен метров от берега, решил заякориться, а в качестве якоря использовал канистру с питьевой водой. В момент опускания канистры я, каким-то образом, нарушил центр тяжести и лодка мгновенно перевернулась. Вода накрыла меня с головой и, казалось, залилась не только под одежду, она была в ушах, в носу, в желудке. Всё тело обожгло как огнём. Первое, что пришло в голову, это перевернуть лодку и попытаться в неё забраться, но тяжёлая, намокшая одежда не позволила мне это сделать, лодка снова перевернулась и накрыла меня. Я снова и снова пытался влезть в лодку, но всё было безуспешно, и только тогда понял, что надо плыть к берегу, держась за лодку. Но привязанная к лодке канистра с водой мешала и не позволяла сдвинуться с места.

Ещё несколько минут боролся с канистрой и, наконец, су-

мел поднять её на борт, на душе стало легче. Потихоньку, держась за лодку, я стал приближаться к берегу, и только тогда увидел, как мой приятель, с расширенными от ужаса глазами, бегал по берегу, но что он мог сделать? Ещё с воды крикнул ему, чтоб он развёл костёр, благо сделать это было не сложно – на берегу лежали кипы скошенного камыша. Когда я вылез на берег, костёр уже полыхал. У каждого настоящего рыбака запасная одежда всегда есть с собой, и переодеться уже не составило труда, а предпринятая спиртотерапия вообще превратила всю эту историю в смешной эпизод из жизни рыбака.

Рыбалка наша на этом не закончилась, «зализав раны», мы решили сменить неудачное место и переехали с озера на каналы, поближе к шлюзовой системе, где вода была проточной и льда не было, но и там рыба не клевала, видно, такой уж неудачный выпал день. Но поскольку домой мы не спешили и решили заночевать, ближе к вечеру я решил поставить небольшую сеть, нужно же было гостя накормить казахской ухой. Чтоб ускорить процесс, я сел в лодку и, хлопая веслами по воде, стал двигаться в сторону сети. Буквально через пару минут поплавки на сети начали плясать в бешеном ритме и вообще утонули. Рыбы попало много, хватило не только на уху.

Приятель мой потом ещё не раз вспоминал наше осеннее приключение.

БОЛЬШАЯ РЫБАЛКА

Река Сыр-Дарья берёт своё начало в горах, поэтому даже в равнинных районах течение в ней очень сильное, а вода жёлтая и имеет глинисто-песчаный оттенок. На реке много всевозможных проток и стариц, все они вдоль берега заросли камышом, пожалуй, зимой это единственный корм для домашних животных, да и для зверей тоже, а летом, в окнах среди камыша и в камышовых протоках, хорошо ловится рыба.

Я с друзьями почти всегда, старался ездить на рыбалку в одни и те же места, во-первых, знаешь, где идёт рыба и какая, а во-вторых, не нужно было каждый раз окашивать камыш, чтоб подготовить места под заброс снастей. Кроме того, мы всегда оставляли одну оборудованную закидную удочку с наживкой из речных моллюсков, и, практически всегда, приезжая на рыбалку в очередной раз, мы вытаскивали сомика на 3-4 килограмма, таким образом, уже не было проблем с приготовлением рыбацкой ухи.

В этот раз всё было как обычно: мы поставили палатки, оборудовали кострище и пошли проверять закидную удочку. Леска, а в качестве лески использовался бельевой капроновый шнур, была растянута вниз по течению вдоль камыша и натянута, ясно было, что на крючке, а крючок был большой, тунцовый, что-то есть. Попытались шнур просто тянуть, как делали всегда, но не тут-то было! Никаких подвижек, как будто зацеп за большую корягу. Тогда мы накачали лодки и один из товарищей поплыл вдоль камыша, выбирая шнур из воды, и вот он начал подаваться и из воды начало всплывать нечто большое и зелёное. Наш товарищ кричал так, как будто его кто-то укусил, и только тогда мы поняли, что на крючке сидит большой сом. Ничего удивительного в этом не было, мы и раньше ловили сомов приличных размеров, но этот явно был самым большим из них и не очень хотел выполнять наши команды. Пришлось ещё на одной лодке, и плыть на

помощь своему коллеге, только после нескольких сильных ударов веслом, сома удалось успокоить и доставить к берегу. Было удивительно, что нам вообще удалось с ним справиться без особых усилий. Только после разделки сома мы поняли, почему он был такой послушный. Наш хищник закусил своим собратом в 2-3 килограмма весом, крючок зацепился ему внутри желудка, и, наверное, дня два до нашего приезда он боролся за свою свободу. Мы замерили его, он оказался два метра пятьдесят сантиметров длиной. Но жёны наши в восторге не были – сом оказался очень старым и практически не пригодным для употребления.

Ещё один раз с сомом подобного размера мы встретились на перекате. Как он попал на мелкую воду, не знаю. Мы ловили на спиннинг жереха. Жерех в реке водился двух видов, особенно красив красногубый, но это другая история.

Сом выкатился на перекат рядом с моим товарищем, я был от него метрах в пятидесяти и всё происходящее наблюдал издали, подойти ближе не мог, так как между нами была глубокая протока, но, наверное, со стороны смотреть было ещё интереснее. Всё происходило, как в хорошем кино. Мой коллега, увидев сома, перекатывающегося по мелководью, оторопел, и первое, что ему пришло в голову, он стал пытаться зацепить сома блесной, потом хотел удержать его руками и вообще бегал и суетился вокруг него, забыв при этом, что на поясе висел охотничий нож. Сом, методично переворачиваясь, скатился под перекат и исчез на глубине, было смешно и обидно упустить добычу, которая сама шла в руки. Воспоминания об этом случае ещё долго были предметом наших шуток.

АЛЁНА

Познакомились мы более тридцати лет назад. Худенькая девочка с явно выраженными восточными чертами лица сразу обратила на себя внимание. Было просто необычно увидеть её среди белобрых девчонок деревни, с которой меня связывало очень многое, а если честно, то вся моя юность прошла там, на берегах небольшой речушки с нежным названием Реня. Героиня рассказа- погодка дочери, а поскольку мы часто приезжали туда в отпуск, судьба этой женщины стала известна и нам. Звали её тогда Алёнка, потом Алёна, и теперь так же, без отчества, хотя стала она уже солидной дамой. Зовут так не потому, что относятся к ней неуважительно, скорее наоборот – в деревне она своя. Тяжёлая судьба её еще больше привязала к ней немногочисленное население деревушки: и в горе, и в радости они теперь одна семья.

Мать Алёны по комсомольской путёвке, как и многие в те годы юноши и девушки, уехала поднимать Казахстанскую целину; думала, что приедет героиней и с почестями, а получилось совсем иначе, вернулась без рубля в кармане, и всё её богатство было в дочери. Не знаю, была ли она замужем, но в деревню приехала одна. В те годы колхоз был крепкий и работы хватало всем. Приняли в колхоз и мать Алёны, стала она дояркой, правда, народ говорил, что начала Нюрка попивать, да и мужичков привечать, но, может, так, болтали: ведь скучная деревенская жизнь чем-то должна быть скрашена.

Алёнка ходила в местную школу. Непросто ей было среди деревенских ребятишек, очень сильно она отличалась и внешностью, да и говорила как-то не по местному, но закончила она школу хорошо. А на выпускном вечере с причёской да в туфлях на высоком каблучке, была она уже не как гадкий утёнок, над которым все смеялись, а превратилась в симпатичную, слегка раскосую девушку. Все немногочисленные парни в округе хотели бы, чтоб она выбрала их, а Алёнка

полюбила Славку, самого непутёвого и бесшабашного, у которого все достоинства заключались в кучерявых волосах соломенного цвета, да на гармошке Славка играл лучше всех в округе. Справили свадьбу, вся деревня три дня была пьяная. Через год родился у Алёны первый сыночек – Ромка, мальчишка как картинка, всё лучшее взял от матери и от отца. Когда рожала его Алёна, почему то защемило её сердце, да так сильно, как никогда и не было. Наверное, чувствовало оно, что судьба у сына будет необычная. Не хотелось ей в плохое верить, отбросила она сразу дурные мысли в сторону, да и жизнь была такая, что невозможно было наперёд думать.

Славка после рождения сына запил, сначала на радостях, а потом пошло-поехало. Дошли до Алёны слухи, что часто стали видеть его в соседней деревне у молодухи –переростка, которая самогонкой приторговывала, потом и домой он периодически не стал появляться. Говорил, что выпил и у друзей заночевал. Алёна понимала, что добром это не кончится, и начала бороться за своё счастье. Боролась, как могла: и ругалась, и стёкла у разлучницы била, но всё напрасно. Да, видать, судьба была на её стороне, приехал в деревню залётный молодец и увёз разлучницу с собой в далекую северную сторону, где работал он на нефтепромыслах. Стала и у Алёнки семейная жизнь налаживаться. Купили подержанный автомобиль, Славка в нём души не чаял. Перебрал всё до последней гаечки, украсил красивыми безделушками, и превратилась старенькая «Таврия» в машину непонятной, но вполне приемлемой модификации. Да и выпивать Славка практически перестал, ну, если по праздникам, так кто в деревне из мужиков по праздникам не пил, только больной. Про них деревенские говорили: «столб телеграфный».

Шло время, менялась страна, колхозы развалились, а точнее, растащили их руководители по своим дворам, осталось на своём месте только то, что унести было нельзя. Купила колхозные паи какая-то фирма «Волжский берег», хотя от деревни до этого берега сто вёрст киселя хлебать. организо-

вали »000«, народ расшифровал это по- своему: «Общество Обманутых Односельчан». За пай в 13 гектар земли выпла- тили по семь тысяч с половиной. Загуляла деревня так, что дым коромыслом, и от паевых денежек через месяц остались только «рожки да ножки», а жить- то надо. Ведь есть хочется всегда, да ещё и не один раз в день. Пошли на поклон к но- вому хозяину, тот на работу взял, но заработки были копееч- ные, да и те не сразу проплачивались. Помаялись, помаялись мужики и стали думать, как дальше жить, как детей кормить? Сбились в ватагу и стали срубы для банек богатеньким кли- ентам рубить, стало что- то получаться, да и денежки в доме стали водиться. Но продлилось это недолго, приехала нало- говая инспекция и дело на корню зарубила. Да и лес стало негде брать. Все колхозные выгоны и даже мелкие рощи по холмам и оврагам отошли к госфонду, а с государством шутки плохи: сруби дерево – и загудишь по судам. Закончилась ель- цинская эпоха с его крылатым выражением: «Бери кто сколь- ко может!», да и брать-то уже стало нечего, всё, что можно было, взяли те, кто поближе к рулю был. Ещё до передачи государству, весь колхозный строевой лес Камазами в нашу северную столицу вывезли. Постаралась бывшая председа- тель колхоза, которая до того уже и льнопрядильную фабри- ку развалила, говорят, и дело на неё завели. Да что от этого стало сельчанам, ну, позлорадствовали маленько, на том всё и кончилось.

Трудно было Алёне, хоть и уставала она, но ночами спала плохо. Забивали голову думки житейские: как детей накормить, во что одеть, мало у неё было на Славку надежды, какой- то он нерасторопный, но тяга к жизни берёт своё, родился у них со Славкой ещё мальчишка, по просьбе Славки назвали его Женей, в честь свёкра. Прибавка в семье -радость, но по этому трудному времени ещё и дополнительные хлопоты. Работать пришлось не покладая рук, если б не огород, навер- ное, пришлось бы совсем плохо, да и корова выручала. Летом готовили к зиме всё, что росло в лесу и огороде. Ходил в лес

с ребятами и старшенький сын Ромка. Лес в тех местах богат, грибов и ягод в хороший год хватало на всю зиму, хоть и не велика от ребёнка помощь, но всё-таки помощь. Да и лес то был сразу за деревней, а как ближние поля пахать перестали, так даже в дома змеи заползать стали. У соседей кота гадюка укусила, сдох кот и спасти не смогли.

Но постепенно жизнь как-то стала налаживаться, стали платить чуть больше, да и сами сельчане приладились к этому новому для них образу жизни. Научились варить домашний сыр, стали больше держать скотины, хоть и тяжело, но излишки можно было продать и что-то справиться для семьи. Так в труде и заботах шли годы, и некогда было Алёне собой заняться. Бывало, подойдёт к зеркалу, посмотрит на себя, махнёт рукой и снова в хлев к скотине или на огород. Всё деревенское удовольствие – это банька. А время шло, его ведь не остановишь. Всё чаще стала замечать Алёна на лице морщинки, пока ещё маленькие, мелкой сеточкой возле глаз, а дети росли. Ромка стал красивым подростком, все девчонки на него заглядывались, да и силушкой его Бог не обидел, против матери слова не говорил. Большинство домашних дел легло на его плечи, а Алёне-то какая радость – не налюбуется на сыновей.

Только не зря в народе говорят, что счастье с бедою рядом гуляют, бывает и так, что их дорожки пересекаются. Славка снова запил, да и на сторону его потянуло. Алёна терпеть не стала: «Вот Бог, а вот порог! Иди милый, гуляй, коли такая охота». Выгнала она Славку, хотя потом ещё не одну ночь слёзы в подушку лила. Тяжело было, но она не жаловалась, подушка была её подружкой. Только Ромка слышал, как мать ночами всхлипывала и ворочалась в кровати.

Славка сошёлся с женщиной из соседней деревни, но и там не успокоился, а продолжал пить. Кто же пьяницу терпеть будет? Начались скандалы и в новой семье. Дети-то отца любили, особенно младшенький, иногда Женька убегал в соседнюю деревню, где теперь жил отец, там и речка рядом и

друзей много. Чувствовало у Алёны сердце, что добром это не кончится, ведь целыми днями мальчишка без контроля, просила мать за ним присматривать, но у той свои заботы, да и голова водкой и мужиками забита.

И беда пришла, откуда её Алёна и не ждала, ведь плавал Женька как рыбка, а речонка-то всего ничего, в жаркое время почти везде вброд перейти можно. Но решили мальчишки искупаться под старой плотиной, а Женька, самый шустрый, первый в омут прыгнул, и закрутила его вода, как не бился мальчишка, выплыть не смог, только и успел крикнуть: «Мама!». Когда мужики из соседней деревни зашли в дом, Алёна уже поняла, что случилось непоправимое. Забилась она, как птица, попавшая в силки, заревела белугой, а потом как заклинило, – и до конца похорон слова не сказала, только скулы её ходуном ходили, и белизна неестественная по лицу расплылась. Медсестра от неё ни на шаг не отходила.

В народе говорят: «Пришла беда – открывай ворота!», так и случилось. Славка после смерти Женьки запил по-черному, и на следующий день после похорон его нашли в хлеву с петлёй на шее. То ли водка подсобила, то ли взорвалась Славкина душа от горя и чувства вины за то, что сотворил он со своей семьёй. Сосед его, который помогал могилу копать, говорил, что страдал Славка сильно, корил себя за то, что такой непутёвый и что счастье своё проворонил. На похоронах Алёна не плакала и как будто даже не убивалась от горя, но ночью дала волю слезам. Ромка гладил её по голове и успокаивал: «Ничего, мамка, не плачь, я тебя в обиду не дам, руки у нас есть, проживем». Эти нехитрые слова из уст сына немного успокоили Алёну, и забылась она в тревожном, тяжёлом сне. Снился ей Николай Чудотворец, держал он Женьку за руку и гладил его по всклочоченной головёнке. Святой что-то говорил, но Алёна слов не слышала, только по движению губ поняла, что велел он ей беречь старшего сына.

С этого дня она Ромку от себя далеко не отпускала, всё боялась, что опять что-то плохое произойдёт, да он и сам от ма-

тери ни на шаг. Она только подумает, что нужно сделать, а он уже бежит: «Мама, я сейчас!». Так и жили они душа в душу, да ведь мужик рос, как его у маминой юбки удержишь? Стал Ромка на вечеринки ходить в соседнее село, далеко пешком-то, пожалела его Алёна и купила мотоцикл. Знала бы, что беде способствует, никогда бы этого не сделала. Да ведь человек только предполагает, а Господь располагает, видать судьба такая. Недаром сердце-то во время родов так болело. Разбился Ромка осенью на большаке. Ослепила его встречная машина – и врезался он в огромную сосну, что росла сразу за кюветом.

Кто может такое пережить? На десятерых горя хватит. Слегла Алёна и более полугодом с кровати не вставала, думали, что вообще не выживет, спасибо соседке Егоровне, с ложечки кормила и поила, и ведь выходила. Травками, да молитвами, да словом дружеским помогла. Стала Алёна подниматься, а весной и во двор вышла. Видать, Господь столько испытаний даёт, что человек верующий их выдюжит, а время и доброе слово вылечат. Ходить Алёна училась заново, потихоньку, потихоньку, сначала до ворот, потом и до околицы дошла. Стала с бабами на лавочке вечером сидеть, новости деревенские не всегда были хорошими, но об Алёниной беде бабы не вспоминали, не хотели ей душу травить. Как стало чуть-чуть лучше, попросила Алёна соседа на кладбище её отвезти. Там было тихо и как-то даже спокойно. Долго сидела она рядом с могилами сыновей, что она им говорила, никто не слышал, но мужик, что на кладбище Алёну возил, сказал, что не ревела она и не билась в истерике. «Каменная баба», - вот и всё, что он сказал. Откуда ему знать, что творилось в Алёниной душе.

Летом Алёна снова пошла на ферму, одной дома тошно было. А здесь, среди людей как-то легче стало, да и коровы как будто понимали её горе, были к ней особенно добры, так бывает только у животных, и молоко отдавали всегда сполна. Уже к осени Алёна опять стала лучшей дояркой. Почёт невелик, но всё-таки приятно. Заведующий фермой был Алёнин

ровесник и тоже недавно пережил горе в своей жизни: умерла жена и оставила ему двоих ребятишек. Общее горе их потихоньку сблизило, весной они сошлись. Без лишнего шума, привез Олег в Алёнин дом свой нехитрый скарб и своё главное богатство: двоих белобрысых мальчишек. И снова заискрились глаза Алёны, а на следующий год у них с Олегом родилась девочка, но это уже другая история, и дай Бог, чтоб у неё был счастливый конец.

В ПОЕЗДЕ АЛМА-АТА – МОСКВА

Мне везёт на встречи с интересными людьми, и происходит это случайно, без каких-либо моих усилий. Встреча, о которой я хочу рассказать, произошла летом, в начале 80 годов. Мы с женой ехали в Тверскую область, там у меня в то время жили мать и отец, и к ним мы ездили практически каждый год, поскольку сложные условия работы, по закону, позволяли нам брать отпуск исключительно летом. В Оренбурге поезд стоял довольно долго, так как менялась поездная бригада и пополнялся запас воды. Нужно сказать, что без воды в поездах южного направления существование невыносимо, как и без кондиционера. Пока поездная бригада занималась своими делами, мы с женой бродили по перрону и изучали «богатое» содержание привокзальных киосков и, конечно, мы не видели, как в наше купе посадили ещё одного пассажира. Пока мы гуляли, он уже успел переодеться в спортивный костюм и спокойно сидел у окна вагона. В общем, ничего особенного в его поведении мы не заметили. Поезд тронулся и, как водится, началось знакомство, представились друг другу, его звали Андрей Петрович, я по отчеству тоже Петрович, и это способствовало сближению. Дорога предстояла дальняя, и хороший попутчик это, надо сказать, находка.

Выпили по рюмочке коньячку, в те годы это было ещё не опасно, поскольку беспорядков в поездах не было и пассажиры, не опасались друг друга. Попутчик оказался очень эрудированным и грамотным человеком, общение наше плавно перешло в хорошую товарищескую беседу. Она была довольно откровенной и раскованной, говорили обо всём и, конечно, о политике тоже, да и вообще о жизни. Вечерело, за окном становилось темно, дамы стали готовиться ко сну, и мы с попутчиком, как истинные джентльмены, вышли в коридор. В этот момент я заметил странную походку моего собеседника, но вопросов задавать не стал – просто было неприлично.

Перекурили и вернулись в купе, женщины уже легли отдыхать, и мы тоже легли. Всё было бы как обычно, но утром в вагон один за другим явилось несколько бродяг- Попрошаек. Они так достоверно демонстрировали свои физические недостатки, что мы с женой решили им помочь, дал им деньги и наш сосед. Через несколько минут подошла ещё одна группа страждущих, и среди них мужчина на костылях, с одной ногой, вторая нога, точнее ступня второй ноги, была ампутирована, он представился инвалидом боевых действий в одной из горячих точек. Я уже полез в кошелёк, испытывая чувство сожаления к этому бедолаге, но в этот момент мой всегда выдержанный сосед просто взорвался, он начал трясти инвалида за грудки, кричал что-то о чести, о его бесстыдстве, и нам пришлось даже успокаивать его, что было не просто. Инвалид, ошеломленный внезапным натиском, стоял и не знал что предпринять. В это время мой попутчик поднял обе штанины своих брюк одновременно, и все мы потеряли дар речи – вместо ног у него были два протеза. Передо мной стоял человек из легенды, человек, практически повторивший в жизни судьбу Маресьева. Пока мы ошеломлённо смотрели друг на друга, инвалид куда-то исчез. Наш попутчик долго не мог успокоиться, но женщины умеют творить чудеса, и через полчаса мы уже снова сидели за столиком и слушали рассказ человека, судьба которого нас потрясла и вдохновила.

Шел первый год войны, выпускники оренбургских школ, которым, по возрасту, идти на фронт было ещё рано, по решению военкомата направлялись в одно из военных училищ, которое готовило командиров для артиллерийских подразделений. Срок обучения, ввиду необходимости, был сокращён вдвое, и вчерашние десятиклассники уже в феврале 42-го прибыли на фронт. В должности командира взвода прибыл в воинскую часть, действующую на передовой, и наш соседник. Кого можно назвать героем на войне? Того, кто прошёл до Берлина, не получив ни одной царапины и дошёл до победы, или того кто преодолел себя и свой страх, в первом

бою встал и был убит? Или того, кто ещё не успев развернуть свою батарею, был накрыт вражеским снарядом и остался на всю жизнь калекой? Я думаю, что все они герои, герои все, кто сумел оторваться от земли и шагнуть вперёд, осознав, на что они идут. Моему собеседнику не повезло, его батарею в первый же день накрыли вражеские артиллеристы, очнулся в госпитале, живой но без ног и это в 18 лет. Казалось, жизнь кончилась, всё впереди рисовалось в черном цвете, хотел даже застрелиться. Но здоровый молодой организм шел на поправку быстро, и вот настал момент истины. От госпиталя, для сопровождения домой, выделили человека. Сколько дум было в юной голове нашего героя, пока добирались до Оренбурга, знает только Господь.

Домашние встретили его с почестями, но, конечно, в глазах близких ему людей читалась жалость и сожаление, а это было так больно и неприятно. Приходили одноклассники и одноклассницы, оставшиеся в городе, пытались заводить бодрые разговоры, но это ещё острее резало самолюбие. Заказали протезы, но заказ долго не выполнялся, да ведь и понятно, что не один Андрей был «обласкан» войной. В соседнем доме тоже жил инвалид, чуть-чуть постарше. Он был женат, и его ещё сильнее терзали сомнения своей никчёмности в этой жизни, ему всё время казалось, что жена живёт с ним из жалости – кому нужен обрубок, который сам и на улицу-то выйти не может. Наконец привезли протезы, первая примерка была как праздник надежды, но что-то было не так и их увезли на доработку. Готовые протезы привезли в июле, и сразу же Андрей стал их осваивать. Боль была невероятная, казалось, что вытерпеть это невозможно, но постепенно он научился ходить с костылями, и с каждым днём движения были всё увереннее и увереннее. В голове начали появляться мысли о дальнейшей жизни, с каждым новым шагом они становились всё более спокойнее и как-то даже более рациональные. Объявили приём в Политехнический институт, фронтовиков брали вне конкурса, и поскольку до института от дома было

недалеко, Андрей решился и отнёс документы в приёмную комиссию. Его зачислили сразу, так как общежитие ему было не нужно, он был желаемым абитуриентом.

Потекли дни и годы учёбы, было нелегко угнаться за здоровыми ребятами, но Андрей старался быть в числе лучших студентов. После окончания института была аспирантура, защита кандидатской степени и любовь, одна и на всю жизнь.

Мы встретились с Андреем Петровичем – уже доктором наук и проректором одного из Оренбургских высших учебных заведений. Когда рядом стояли два искалеченных войной человека, но с абсолютно разной судьбой, я, наверно, только тогда понял, как права мораль сказки про двух лягушек, попавших в ведро с молоком: нужно бороться за себя и за жизнь своих близких до последней возможности, и победа придёт.

Мы расстались с Андреем Петровичем на Казанском вокзале Москвы, там его встретили дочь и зять. По платформе шёл уверенный в себе человек, которого не смогли сломать ни война, ни наше, порою такое безразличное к чужой судьбе, общество.

ПЕРЕБИРАЯ СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

Отцу моему посвящается!

Перебирая семейный архив, я наткнулся на фотографию, с которой на меня смотрели два симпатичных молодых человека в буденовках, с трудом в одном из них я узнал своего отца. Фото пожелтело от времени, ведь снимок был сделан ещё до войны, но лица у ребят на фотографии выглядели весьма современно, и если бы не буденовки, то можно было подумать, что это кто-то из моих сверстников в годы моей юности. Мы тоже носили гимнастёрки со стоячими воротничками. Я знал, что не очень похож на отца внешностью, но все равно хотелось найти общие черты, чтоб стать ещё ближе к человеку, давшему мне не только жизнь, но и всё хорошее, если таковое во мне есть. Уже 20 с лишним лет как отца нет, но я часто ловлю себя на мысли, что он наблюдает за мной и даже иногда оберегает.

Детство и юность отца прошли в небольшой деревушке в Оленинском районе Калининской области и ничем не отличалось от детства его сверстников. Только что закончилась Гражданская война, и мирная жизнь потихоньку налаживалась. Отца всегда тянуло к технике, появление на селе первых тракторов определило и всю его дальнейшую жизнь: он стал трактористом. Время шло, и как-то незаметно юноша стал мужчиной: пришло время призыва в армию. Осенью 1939 года отца призвали в РККА. Призыв 1939 года был особенным, потому что одновременно в этот год призывали ребят 19 – 20 лет, а также все остальные возрастные группы, которые ранее имели отсрочку: была объявлена всеобщая воинская повинность – это ещё не была всеобщая мобилизация, но в воздухе запахло войной. Неправы те, кто утверждает, что война для нас была неожиданностью, и что правительство наше не принимало мер к укреплению обороны, что и

явилось впоследствии причинами наших поражений. Уже в 1939 году число стрелковых и моторизированных дивизий было увеличено в два раза, увеличилось и число специальных частей и подразделений. До 1939 года мы имели только 100 стрелковых дивизий с номерами от 1го до 100го.

Отца призвали в Московскую пролетарскую дивизию, но уже в конце 1939 года на базе полков этой дивизии были созданы три – две стрелковые и одна моторизированная дивизия. Отец попал в 126ю стрелковую дивизию, развёрнутую на базе 3-го стрелкового полка. Дивизия в июне 1940 года была введена в Латвию, в том же году она была переформирована в 126ю моторизованную дивизию, затем снова в 126ю стрелковую. На ноябрь 1940 года она имела в своём составе 11697 человек, 10782 винтовки, 32 СВТ и 720 пулемётов.

Я не буду описывать довоенную деятельность дивизии в Латвии, скажу одной фразой: дивизия готовилась к войне и вступила в бой уже 22 июня 1941 года в Литве в районе Шауляя и Каунаса. Переброшенный на границу отряд в составе трёх батальонов данной дивизии попал под удар 39 немецкого моторизованного корпуса, вступил в бой и фактически был уничтожен в первые часы войны.

Основные силы дивизии с 22 июня отходили по маршруту Пренай – Езно – Кроны – Полоцк – Великие Луки. В районе Преная дивизия вела бои с вражескими десантами, переправилась через Неман и взорвала за собой мосты. В начале июля дивизия вела бои в районе Дисны, где в её составе было уже только 3355 штыков. В таком составе дивизия была включена в состав 62 стрелкового корпуса. Отец не мог сдерживать слёзы, когда рассказывал о событиях того времени. Особенно тяжёлыми, по его словам, были в тот период бои под Великими Луками в районе совхоза «Ушицы», там дивизия попала в окружение и сумела выйти из него только в конце августа. По некоторым сведениям дивизия попадала в окружение за время боевых действий 8 раз. За время проведённое отцом в окружении, командование успело отправить его семье по-

хоронку. Сколько было пролито слёз родными и близкими людьми, знает, наверное, только Господь, но отцу повезло: практически без царапины, он со своим отделением вышел из окружения и принял участие в боях в составе той же дивизии в районе Торопца и Западной Двины. В октябре 1941 года дивизию вывели в резерв. Отдых длился недолго, уже 11 октября дивизия получила приказ отойти на восточный берег реки Вазузы и с боями отходить далее в направлении Зубцова. Вот тогда – то отцу действительно повезло, военное счастье еще раз улыбнулось ему: его часть отступала по маршруту, который проходил рядом с его деревней, и командир разрешил ему на 2 часа зайти домой, радости бойца не было предела.

В деревню отец пришёл на рассвете, в окнах домов не было ни одного огонька, казалось, что деревня вымерла. Метров за сто от дома он увидел женщину, достающую воду из колодца, подойдя ближе, он узнал свою учительницу и поздоровался с ней. Каково же было его удивление, когда ведро, загрохотав по срубам, рухнуло в колодец, а женщина закачалась и упала на землю. Пришлось приводить её в чувство. И только потом от неё отец узнал и о похоронке, и о том, что его уже отпели в церкви.

Казалось, на крыльях отец долетел до своего крыльца, хотелось кричать, что он жив, что похоронка – это ошибка. Стучал в дверь так, что, наверное, было слышно и на другом конце деревни. К двери вышла его младшая сестрёнка, Катя, и тонким детским голоском начала причитать, что дверь она не откроет, что мама больна, а в доме у них ничего съестного нет, что всё уже отдали солдатам. Отец кричал: «Катя! Катя! Это же я, твой брат, Петя!», в ответ услышал, что Пети нет, что он убит, что уже много солдат заходило к ним и давать больше нечего. Неизвестно, сколько времени длился бы этот диалог, но сердце подсказало матери, что что-то важное происходит в коридоре и на крыльце. Описать дальнейшие чувства и эмоции, захлестнувшие милых мне людей, просто невозмож-

но. Дома отец узнал и о смерти брата Николая, погибшего в районе Бреста.

Мать пыталась удержать сына, оставить его дома, спрятать, и понять материнское сердце можно, но через пару часов водоворот армейских дорог снова подхватил отца и понёс его вперёд, туда, где пахло порохом и кровью. Не мог он прятаться под мамину юбку, когда Отечество и малая родина его требовали защиты от ненавистного, хитрого и напористого врага.

Потом снова было окружение между Сычёвкой и Ржевом, из окружения вышел только один полк, остатки дивизии числом до 1000 человек были сведены в один сводный 690 стрелковый полк. Полк занял оборону северо-восточнее Волоколамска, справа от 316 стрелковой дивизии. С 16 октября 41 года остатки дивизии вели бои будучи подчинёнными 316 стрелковой дивизии, а 26 октября их отвели на восточный берег реки Лама, где они и держали оборону до середины ноября 1941 года. Слава Богу, противник в этом направлении активности не проявлял. С 14 ноября дивизия ведёт бои с 14 немецкой моторизированной дивизией, предпринимает удачное контрнаступление и овладевает Ботово, но потом немцы снова отбрасывают её к Клину. Под Клином дивизия опять попадает в окружение, и вновь ей удаётся из окружения выйти, и опять судьба отца висела на волоске. Дальше были бои за Фёдоровку, Ольгово, Харламово, Клусово, Тимоново. С 4 декабря дивизия принимает участие в наступательной операции в направлении на Клин. 13 декабря она была расформирована, так как в её составе осталось менее тысячи человек. Отцу, в который раз, удалось из этой мясорубки выйти живым.

Потом были бои на Калининском фронте, где отец в составе 247 стрелковой дивизии освобождал город Старица, а затем, наверное, самое страшное в истории Великой Отечественной войны – бои за Ржев и Зубцов. Потери личного состава в Ржевско – Вяземской наступательной операции были выше,

чем в Сталинградской и Курской битве. После войны не было ни одной деревни на территории Ржевского и Оленинского района, в которых отсутствовали бы братские могилы.

Для отца война закончилась в апреле 1942 года, точнее, закончились боевые действия с его участием. Закончились опять рядом с родными местами, только в этот раз отец до дома не дошёл, да и идти – то тогда было уже некуда. Семью эвакуировали в Максатихинский район той же области, там немцев не было. Отца отправили на лечение в один из военных госпиталей на Урал, и после выписки комиссовали. Так закончил свой боевой путь старший сержант Королёв Пётр Яковлевич. Но те грозные времена до последнего дня жизни отцу помнились: не было, наверное, и дня, когда хотя бы мимолётно он не вспоминал фронтовое братство. Отец искал своих однополчан и после войны, но откликнулись немногие: кто-то не дошёл до победы, а кто-то поменял место жительства, некоторые умерли от ранений. Но были и встречи, эмоциональные, наполненные радостью жизни и чувством великой солдатской дружбы.

Помню, как приезжал однополчанин из Архангельской области Труфанов Иван, с которым отца фронтовые дороги свели в очень тяжёлый эпизод войны. Во время одной из вылазок, группа разведчиков, в составе которой был и отец, нашла тяжело раненного бойца. Они вынесли его из-за линии фронта и ещё сутки искали полевой госпиталь, а в суматохе отступления сделать это было нелегко. Обменялись адресами, а нашли друг друга только через двадцать пять лет. Я уже был офицером и, приехав в отпуск, наблюдал эту встречу: взрослые люди вели себя как дети, они смеялись так заразительно, что вокруг них становилось светлее и радостнее.

Было время сенокоса, мы заготавливали сено для коровы, отец с другом помогали, но вели себя по – детски: метали вилы как копья, боролись друг с другом, это было смешно и интересно. После отъезда друга отец сразу погрузился и как будто даже постарел. До сих пор мы храним фотографию се-

мьи Труфановых с надписью: «Другу моему, кровному брату и спасителю моему от семьи Труфановых».

После войны отец много лет работал механиком в МТС, а после реорганизации лет пятнадцать работал бригадиром – механиком в колхозе имени Максима Горького. Вся его жизнь в Вёсегонском биографическом словаре уложилась в три строчки: «Королёв Пётр Яковлевич (1919- 1990) родился в п. Максатиха Калининской области. Окончил школу механизации. Работал механиком в МТС и колхозе им. М. Горького. Похоронен на кладбище д. Никола-Реня».

Содержание

<i>Об авторе</i>	3
Он дарит сердце нам своё	4
«Я люблю этот радужный мир...».....	9
«Легла дождинка на плечо...».....	11
«Гроза бросает в речку стрелы...».....	12
«Туман съедает снега клочья...».....	13
«Есть у весны особые приметы...».....	14
«Вчера ручьи текли напропалую...».....	15
«Весна вливается тихо в лето...».....	16
«Люблю я ранние рассветы...».....	17
«Гроза, как фронт, охватывая фланги...».....	18
«Проходит лето, дни короче...».....	20
«Вот и кончилось лето певучее...».....	21
«Осенний день уныл и сер...».....	22
«Ещё вчера остатки бала...».....	23
«Зима дала нам передышку...».....	24
«Ложится снег на улицы и скверы...».....	25
«Мы ждали снег, и вот он лёг...».....	26
«Рябины куст алеет под окном...».....	28
«Мы Новый год как сказку ждём...».....	29
«Крещенские морозы...».....	30
«Вчера рассвет, укрытый хмарью...».....	32
«Холодный, нежный и колючий...».....	33
«Лунная дорожка пролегла в саду...».....	34
«Если вдруг в избыловшую душу...».....	35
«Время промчалось – и мы постарели...».....	36
«Сегодня утром не было грозы...».....	37
«Если вдруг набежала слеза...».....	38
ЛЕБЕДЯНЬ	39
«Летят над Доном птицы-кони...».....	41
«Усталый город спит покойно...».....	42
«Течёт река под белою скалой...».....	43
«В веках теряется дорога...».....	44
«Когда на Калке и на Воже...».....	45
«Упала звезда, как фонарик, с небес...».....	46
«Пляшет наша ярмарка...».....	47

«Бывает на душе не так...»	48
«Во мне таится предков зов...»	49
«Душа – тайник с семью замками...»	51
«Деревня моя кособокая...»	52
«Я век живу не чей-нибудь, а мой...»	54
«Мелькают дни, закаты и рассветы...»	56
«Я не люблю стихи пустые...»	57
«Что-то грустно сегодня мне стало...»	58
«Разруха бродит по России...»	60
«Валили лес отцы и деды...»	61
«Я еду в лето издалёка...»	62
«Иду давно: седьмой десяток лет!..»	64
«Бежит вода и время тоже...»	65
«Мы так малы, а мир велик...»	66
«Мы знаем о себе лишь то, что живы...»	67
«Не часто нас судьба ласкает...»	68
«Хожу, как тень, в домашнем полумраке...»	69
«Говорят – собака воет...»	70
«Не знаю, есть ли в мире этом...»	71
«Утром проснулся, по дому прошёл...»	72
«Нас всех рожали для победы!..»	73
«Я прожил жизнь, наполненную ветром...»	74
«Восходит солнце на востоке...»	75
«Две деревни, как брат с сестрой...»	76
«Нас немцы бьют, колотят в хвост и в гриву...»	78
«Я иду по земле, где сражались отцы...»	80
ПАМЯТНИК	81
«Сегодня жить в России просто...»	82

Из цикла «Невыдуманные истории»

ГОРОДСКАЯ ЗАРИСОВКА	84
ДЕРЕВЕНСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ	86
КУРИНОЕ ПЬЯНСТВО	88
ВАСЬКА	90
МАТВЕИЧ	92
ЭРОТИКА ПО-ДЕРЕВЕНСКИ	94
НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА	96
УМНЫЕ МЫШКИ	97
ВСТРЕЧА НА ЗАРЕ	99
ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА РЫБАЛКЕ	101
БОЛЬШАЯ РЫБАЛКА	103
АЛЁНА	105
В ПОЕЗДЕ АЛМА-АТА – МОСКВА	112
ПЕРЕБИРАЯ СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ	116

Подписано в печать 25.03.2013 г.
Формат 60x84 1/16. Объем 7,75 усл. п. л.
Тираж 200 экз. Заказ №391
Издательский центр ООО «Гравис»
г. Липецк, ул. Гагарина, 117а
Тел.: +7(4742) 71-70-68